

ВЛАДИМИР ТОШИЛИН

СИБИРИАДА

Страна
Гоболінка

Сибириада. Собрание сочинений

Владимир Топилин
Страна Соболинка

«ВЕЧЕ»

2017

Топилин В. С.

Страна Соболинка / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибиряда. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-7102-5

На Соболевом озере, расположенном под Оскольчатыми хребтами, живут среди тайги три семьи. Их основное занятие — добыча пушного зверя и рыболовство. Промысел связан с непредсказуемыми опасностями. Доказательством тому служит бесследное исчезновение Ивана Макарова. Дело мужа продолжает его жена Вера по прозвищу соболятница. Волею случая на макарьевскую заимку попадает молодая женщина Ирина. Защищая свою честь, она убивает сына «хозяина города», а случайно оказавшийся поблизости охотник Анатолий Давыдов помогает ей скрыться в тайге. Как сложится жизнь Ирины, настигнет ли ее кара «городских братков», ответит ли Анатолий на ее чувства и будет ли раскрыта тайна исчезновения Ивана Макарова? Об этом и о многом другом читатели узнают из книги.

ISBN 978-5-4484-7102-5

© Топилин В. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Владимир Топилин

Страна Соболинка

Со времен глубокого Средневековья, от границ монголо-татарского ига, на Руси, в народе был избран мудрый путеводитель – могильный крест с косой поперечиной снизу. В тяжелую минуту, когда незнакомый путник, не зная местности, не мог определиться по звездам, на помощь приходила могила усопшего человека. Верхним концом короткая поперечина всегда указывала на Полярную звезду. В древних летописях бытует упоминание, как славные воины безошибочно возвращались домой в любую непогоду, при густом тумане и прочих неблагоприятных условиях, пользуясь могильным крестом. Это служило своеобразным путеводителем для передвижения, когда не был изобретен компас, а однообразная равнина не давала определенных ориентиров.

Многие века канули в историю. Не каждый человек сейчас скажет, почему и для чего на могильном кресте врезают дополнительную поперечину. Старые традиции в память покойным сохранили уважение – надо делать так, а не иначе, – но забылось, зачем это надо и как правильно ставить кресты на могилах.

В горах все сложнее. Там нет кладбища. Многочисленные высоты, хребты, белки для непосвященного человека сливаются в одну непроходимую тайгу. Куда и как идти без солнца, в тумане, при густых облаках, может знать только опытный человек, истоптавший немало таежных троп.

Есть в сибирской тайге два гольца. Их высота не преобладает над соседними горами, что намного выше, грациознее, величавее. По площади и размерам они тоже вряд ли превзойдут горную тайгу других участков. Единственное их отличие заключается в том, что при хорошей видимости они видны с расстояния ста километров со всех сторон, являются отличным ориентиром для любого страждущего, пустившегося в далекий путь без компаса и карты.

Кавалькады гор, Оскольчатый и Крестовый пики имеют неповторимое отличие от других каменных братьев. Один из них похож на сломанный после схватки с собратом клык медведя. Второй от одной вершины расходится четырьмя большими равномерными отрогами, дающими точное направление сторонам света. Если посмотреть на этот голец с высоты птичьего полета или какой-то другой превосходящей вершины, можно увидеть схожесть с розой ветров, указывающей человеку нужное направление: надо только знать, какой отрог показывает на север.

Многие годы Оскольчатый и Крестовый гольцы служили людям. Сколько жизней спасли они в этих краях в тяжелую минуту, знает только один Бог. По рассказам старожилов, выбравшихся из глухомани к редким поселениям, каждый отчаявшийся странник вспоминал этот край добром: «...поднялся на вершинку, увидел крест, понял, где нахожусь. Слава тебе, Господи, указал путь оной горой, не оставил в беде, отлучил от смерти...»

За долгие годы жизни в этой суровой, таежной стране род Макаровых изучил эти места, как грядки в огороде. Больше ста пятидесяти лет они промышляют зверя в этих краях. Известно, сколько мягкого золота было вынесено ими. Вспоминая былые годы, девяностолетний Иван Макарович щурит глаза, смотрит куда-то на ближний перевал, на одноименное озеро, мечтательно говорит:

– Наверно, собольими шкурками можно это озеро в одеяло одеть...

Неизвестно, прав ли он. Один скажет: «Эх, загнул!..» Другой, представляя небывалую картину, в изумлении округлит глаза: «Это сколько же? Не пересчитать...»

Так это или иначе, но в честь драгоценного шоколадного хлеба названы две речки, упирающие свои истоки в родники между западным и южными отрогами Оскольчатого гольца. Соболинка и Аскыриха, норовистые, непроходимые, порожистые подруги, параллельно текут вдоль Оскольчатого хребта на большом расстоянии: «Покуда глаз хватает!» Поэтому и нечетки

границы промыслового участка рода Макаровых: «Ходи, где хочешь, все одно места хватит!» Наверно, так это и было до тех пор, пока власть Советов, появление промышленного охотничьего хозяйства не ограничили тайгу по поймам рек. Отошла по закону южная Соболинка другому промышленнику, осталась Макаровым северная Аскыриха. Да только не печалились старые соболятники. Проложенные путики можно было обойти в круг только за четырнадцать дней, а сезонный улов шкурок соболя в котомках вряд ли стал бы меньше.

За долгие годы существования промхоза по соседней Соболинке промышляло много охотников, но каждый из них задерживался на участке не больше трех лет. Бывали и такие случаи, что знатный соболятник, отходяв месяц до глубокого снега, бежал из тайги прочь: «Пусть по этим горам черти лазят! На вершину смотришь, шапка с головы падает!» Тяжелый участок вспоминался дурной славой, любой отказывался от охоты на нем. А вот Анатолий Давыдов напросился сам.

Первое время Макаровы с сожалением вздыхали: «Эх, молодой пацан, где ему перевалы ломать? И опыта никакого... От силы год простоит, и то ладно». Однако новоявленный сосед задержался на Соболинке второй сезон, третий, пятый. Ко всеобщему удивлению, Толик оказался настырным парнем. Он без чьей-то подсказки со временем освоился на своем участке основательно и уже на шестую осень по рации попросил повышения плана по сдаче соболей с двадцати пяти до пятидесяти шкурок.

Присмотрелись Макаровы к новоявленному соседу: «А ведь неплохой человек к тайге стремится! С таким не грех дружбу вести!» И подружились, поверили. Как оказалось, не ошиблись. Дошло дело до того, что стали охотники доверять друг другу самые сокровенные тайны. Иван Макаров передал Анатолию все премудрости промысловой жизни, нажитые родом Макаровых за несколько поколений, а тот любым делом помогал семье, благодарно отвечая за доверие.

Больше десяти лет прошло с тех пор. В семье Макаровых случилось несчастье. В метельном феврале под Оскольчатым гольцом пропал Иван. Как это произошло, никто не знает. Охотник был один, все следы замело снегом.

Долго и настойчиво искали мужика всем промхозом. Бригады охотников проверяли все уголки тайги, директор дважды нанимал на поиски человека вертолет, однако все безрезультатно. С растаявшим снегом утекли, испарились надежды увидеть следы Ивана. Мужики подавленно пожимали плечами: «Бывает... В промхозе каждый год один-два несчастных случая... Сегодня ты, завтра я... На это надо смотреть реально». И только жена Ивана, Вера-соболятница, не отчаивалась, жила надеждой, что муж найдется и все наладится.

Потерялся охотник. Не стало в семье кормильца Ивана, некому было обрабатывать огромную территорию Аскырихи, ловить соболей. Девяностолетний дед Иван мог ходить только вокруг озера, свекор Макар Иванович в день мог пройти не больше двух часов, а маленький Макар еще не вырос, ему было тринадцать лет. Пошла Вера на соболевку сама: кому же еще? Стоит пропустить год, не выйти на охоту, отдадут участок другому промышленнику. Как тогда жить дальше? Ушла женщина в тайгу в сентябре, вернулась перед Новым годом, принесла не меньше, чем добыл Иван прошлой осенью. С тех пор и пошло. Отдавая дань уважения охотнице, дали мужики соседке новое имя – Вера-соболятница, от которого она не отказалась.

С Анатолием Давыдовым в тайге Вера не встречалась по понятным причинам. Избегая сплетен, в лучшем случае, мудрая женщина переговаривалась с соседом по рации или оставляла на совместной избе записку. Злые, завистливые языки плели небылицы о том, как хорошо живет Толику в тайге. Прекратились пересуды тогда, когда Анатолий за один удар кулаком выбил Витьке Лешему сразу четыре зуба. Веру-соболятницу стали уважать еще больше, а резкого, справедливого Толика побаиваться.

В этот год у соболятницы появилась новая проблема: дочь Людмила оканчивала одиннадцатый класс. Пора определяться, что девочке делать дальше – учиться или работать. Люда

хотела поступать в университет, чему любящая мать не была против, образование необходимо. Только вот обучение дочери будет стоить немалых денег.

Чтобы хоть как-то связать концы с концами, в этом сезоне Вера решила задержаться в тайге дольше обычного. За две недели охоты можно добыть еще несколько соболей, а это значительный довесок к пустому карману. Большую часть пойманных аскыров она попросила Анатолия Давыдова взять с собой, сдать на пушно-меховой базе. Охотница доверяла Толику полностью: никогда не обманет, вернет все деньги за шкурки до копейки. Предварительно договорившись об этом, Вера упаковала в котомку шкурки соболей, оставила мешок на совместной избе, написала дополнительную записку и ушла к себе.

Анатолий пришел на зимовье через день. На столе для него лежало послание, точное количество шкурок и мелкие просьбы: «Анатолий! Купи Таисии Михайловне цыганскую шаль; Макару Ивановичу – куртку с меховым подкладом; деду Ивану – новые ичиги; Людмиле – весенние сапожки 37-го размера (самые модные, спроси у продавщиц, что носят в городе), Макару – свитер теплый, на снегоходе гоняет, боюсь, как бы спину не застудил...» Она писала что-то еще, заботясь о родных и близких, а о себе – ни слова. Когда ее спрашивали: «Что надо тебе?», охотница всегда уходила от ответа: «Ничего... У меня все есть».

Несмотря на разницу в возрасте в семь лет (Толику 32 года), он всегда разговаривал с Верой на равных. И сейчас, восседая на тесовых нарах у раскаленной печки, перечитывая записку, он не мог удержаться от жалости к женщине.

– Эх, Верка, таежная твоя душа! Три твоих желания стоят ровно сто рублей: шоколадка с орехом, сливочное мороженое да бутылка газировки «Буратино». Все другим, а себе... Так и пройдет твоя бабья жизнь в этих горах!..

Собака под нарами вскинула остроухую голову, уставилась на хозяина: «Ты это мне?» Толик потянулся рукой, погладил Ветку по голове:

– Да нет, не тебе я это говорю. Про Веру... Всегда в делах, в работе, ни минуты продыха, и о себе не заботится. Тут еще Иван потерялся... Трудно бабе. Теперь уже, наверно, точно мужика не найти. Хоть бы замуж кто взял, но годы не те, двое детей, да и какой дурак в тайгу жить поедет?

* * *

Успокаивающе постукивая на стыках рельсов колесами, пассажирский поезд замедлил движение и остановился. Темно-зеленые вагоны последний раз щелкнули сцепками, вытянулись друг за другом во всю длину освещенного перрона. В одном из них, выпуская клубы теплого пара, открылись двери. Недовольная, сонная проводница подняла площадку, сердито поглядывая на немногочисленных пассажиров, кутаясь в форменную курточку, спустилась на землю:

– Не напирайте, все успеете, – глухо заметила она и болезненно кашлянула. – Вагон плацкартный, но свободных мест много. Рассаживайтесь сами кто где может.

Пассажиры отнеслись к ее словам равнодушно. Стоянка поезда длилась десять минут. За это время, при желании, можно посадить в вагон половину драматического театра. Семь человек успеют войти по ступеням черепашьям шагом. Все же, как это бывает в необычных ситуациях, найдется какой-то торопыга, которому надо быстрее всех. Соседка Анатолия, тетка Наталья, взяла эту роль на себя. Большая, тучная, в старой (под норку) искусственной шубе, с шумом дыхнув на всех чесночным духом, проворная пассажирка растолкала всех по сторонам и схватилась за поручни:

– Мне надо вперед! У меня радикулит!

Уступая дорогу больной женщине, удивленная проводница так и осталась с вытянутой для проверки билета рукой, безмолвно взирая, как первая тихим сапом закидывает наверх объемный баул, в котором лежало полпоросенка.

Анатолий и Александр помогли ей с поклажей, затем, пропуская всех вперед, пристроились в конец небольшой очереди. Не в их правилах торопиться. Поездка до города займет несколько часов, можно на ногах постоять. Не выпуская из рук сумки, Шура крутил головой по сторонам, Анатолий докуривал сигарету. Когда подошла их очередь, проводница, кажется, проснулась, открыла глаза, улыбнулась уголками губ:

– Самые дисциплинированные пассажиры, люблю таких возить!

– Да уж, мы, люди тайги, народ терпеливый. Лучше подождать, чем догонять: быстрее будет! – в тон ей ответил Анатолий, протягивая свой билет.

Даже не взглянув на контроль, проводница сунула билет в папку:

– Охотники, что ли?

– Да, – не скрывая гордости, ответил Александр.

– В город?

– На людей посмотреть, себя показать... Полгода в тайге – не шутка, воли хочется! – улыбнулся Анатолий.

– И вы туда же: воля! Где она воля-то? Сидели бы, лучше у себя в тайге. Город – это суэта, шум, гам, ничего хорошего. А в лесу, наверно, сейчас хорошо... – что-то вспоминая, протянула проводница. – Я сама из деревенских. Да вот пришлось в город переехать... – и перевернула ладонь. – Ну, что встал? Давай проходи, сейчас поедem.

Толик подхватил свои сумки, заторопился за Шурой, выслушивая негромкие, но внушительные слова товарища насчет распустившегося языка. Ему стоило улыбнуться: всегда недовольный напарник кирзовый сапог за вечер загрызет. Он к этому привык. Что такого в том, что он перекинулся несколькими фразами с работницей железнодорожного транспорта? Полный веселых мыслей, Анатолий посмотрел на ноги, поднимаясь в вагон, хотел сбить снег с ботинок о ступеньку, но остался недоволен, когда уперся головой в узкую спину Шурика:

– Что встал? Лыжи сломал?!

Александр стоял в проходе, загораживая его. Что-то завладело его вниманием. Чтобы узнать причину, Анатолию пришлось приподняться на носки, выглядывая из-за спины товарища.

Она была невысокого, среднего роста. Удивленно выщипанные под крыло ласточки брови подчеркивали ее невинный взгляд больших голубых глаз с пронизательной, как глубина горного озера, чистотой. Слегка вздернутый носик придавал чертам лица девушки притягательную мягкость. Пухлые губки, которые мог прикрыть один лепесток жарка, напитались соком красной смородины. Угловатый, приподнятый, с ямочкой подбородок заострял плавные формы милого лица легкой тенью превосходства. Шелк ухоженной кожи тонкой шеи дышал свежестью зарождающейся весны.

Возможно, девушка была не так красива, но отточенная фигура вызывала в мужском взгляде огонь взрывных эмоций. Две пуговицы джинсовой курточки разрывала полная грудь. Желтая кофточка имела волнующий разрез. Тонкая кошачья талия изогнулась лукой черемухи. Велюровые сапожки на высоком каблуке напрягали открытые колени. Черные колготки обтягивали стройные ножки до определенного уровня, на ладонь выше коленей, что придавало особе некоторую строгость: я не ношу мини-юбки. На вид пассажирке было не больше двадцати пяти лет. Спокойный, несколько уставший взгляд сквозил холодом: я не такая, и как вы мне, все мужики, надоели. Плавным откинув за хрупкие плечики льняные прядки волос, она безразлично посмотрела на Александра и Анатолия и отвернулась. Но все же в конце безмолвного общения каждому показалось, что девушка улыбнулась. И улыбнулась только ему!

Толик и Саша – в данную минуту два марала – растерялись. Надо проходить в вагон, а ноги не идут. Каждый хочет задержаться на минуту в тамбуре, заговорить с незнакомкой, но не знает, с чего начать. Толик, кажется, нашел дежурную фразу: «Ах, какие цветы распустились зимой!» Но она даже не посмотрела на него – так и стояла, отвернувшись с сигаретой к темному окну.

Шокированные короткой встречей, Толик и Шура друг за другом прошли в конец темного вагона. В пустом купе, занимая места, они наконец-то обрели дар речи:

– Ты видал, какая? – зацокал языком Шура.

– Тебе-то что? У тебя дома Танюха. Что, из тайги вчера пришел? – уколол Толя.

– Да ты видел, она мне улыбнулась!..

– Конечно, тебе... Сначала прыщи выдави!

Шура не обижается, все еще полон впечатлением от встречи, зашипел гусем:

– Эх, а ножки! А шейка! Соболя не жалко!

– Ну, так давай его мне, все одно я сейчас в тамбур пойду! А ты сумки карауль! – снимая с головы соболю шапку, заторопился Толя.

– Что, думаешь, в гости позовешь?! – присел на лавку Шура.

– А то! У меня проколов нет, я знаю что говорить!

– Смотри, наверно, муж есть, может, спит. Как бы морду не набил... – предостерег Шура.

– Вот еще! А я что, драться не умею? Если что, поможешь!

– А кто сумки караулить будет? – притих Шура.

Выходить в тамбур не пришлось. Повелительный перестук каблучков в коридоре заставил охотников насторожиться: неужели маралушка продвигается в их сторону? Предположения подтвердились в ту же минуту. Плавное наклонив голову от угловой полки, девушка остановилась напротив них и заговорила мягким, певучим голосом:

– Мальчики, извините! У вас есть свободное место? Там, в моем плацкарте, какой-то дядя спит громко.

Анатолий и Александр – образцы галантности! Как же! Места свободные есть только у них! Товарищи наперегонки бросились за вещами обаятельной особы, принесли дамскую сумочку, пальто, шапочку, шарфик: «Что вы, нам это не трудно!» Затем посадили девушку на почетное место, у окна, и после непродолжительной паузы перешли в наступление. Холостой Толик возымел явное преимущество, очаровывая даму рассказами об удивительных явлениях природы и случаях, произошедших с ним в тайге, и так себе, ненавязчиво, о многочисленных подвигах, совершенных им во время охоты. Несколько сконфуженный напором друга, Шура пытался добавить, что и ему приходилось носить продукты на своих плечах, сколько весит ошипанный глухарь, или же, из какой шерсти вязать носки, чтобы в холода не мерзли ноги.

Познакомились. Девушку звали Лена. Оказалось, что она едет в город на повышение квалификации, была замужем, но развелась, детей нет, устала от жизни, в настоящую минуту спать не хочет, проголодалась, немножко поела бы чего-нибудь, а может, и выпила пятьдесят граммов легкого вина.

Толик и Шура быстро распределили обязанности. Александр важно полез в свою сумку за продуктами, еще раз подчеркивая, что настоящий охотник должен все свое носить с собой. Показательно перебирая упакованных соболей перед изумленными глазами Лены, парень щедро выложил на стол котлеты, колбасу, молоко, хлеб и прочие яства, что могли понадобиться в дороге путнику. С некоторым сожалением он заметил, что можно было сварить и пельмени, но как это сделать в поезде?

Толик в это время мчался на всех парусах в вагон-ресторан, на ходу вычисляя, какой суммой нужно воспользоваться, чтобы насквозь прострелить сердце Лены. В настоящий момент в дырявом кармане Толи было две тысячи рублей, но этого хватило, чтобы в столь ранний час растормошить сонную буфетчицу и за полторы тысячи приобрести бутылочку вина «Сереб-

ряный берег», пол-литра водки, зеленый лимон и сто граммов винограда. Сейчас деньги для охотника – не главное. Эх, гуляй, душа! Соболятник из тайги вышел! Дело того стоит, чтобы очаровать «мармеладку!». Главное, пока он здесь, – чтобы Шура не успел договориться.

А Шура времени даром не терял. Согревая своим волнующим дыханием котлеты из сохатины, охотник красочно описывал Лене свое благосостояние: какой теплый у него дом, сколько километров намотал на своей «Ниве», каких черных соболей отдал за новый мотор «Вихрь» и прочие мелочи, что могли поразить прелестную соседку по купе.

Может, он и успел бы выложить пару своих заветных черных аскыров на колени непорочной попутчице, но Толик успел вовремя. После первого тоста за знакомство он добродушно похвалил вкусные котлеты его жены Тани. Шура замолчал, уныло уставился в черное окно. Предусмотрительно подливая в пластиковые стаканчики вино, Толик восхищенно рассказывал, каким удивительно прекрасным бывает солнце в горах на рассвете, как томительно пахнут в гольцах пожухлые травы, как часто бьется сердце на вершине перевала.

Кажется, Лена была восхищена. Или это Толику казалось? Но поведение девушки изменилось. От холодного бледного лица не осталось и следа. Ее глазки заблестели, щеки разругались, приоткрытый ротик ловил каждое слово рассказчика. В краткие минуты она высказывалась, только поджигая и без того распаленное состояние охотника. Возможно, соседка была достаточно опытна в общении с мужчинами, или это исходило искренне. Тонкие замечки девушки вроде: «Вам, наверно, там тяжело», «Как вы спите у костра?» и «Вы настоящие мужики!» действовали на друзей пьяняще. И вот уже, как два глухаря на току, кто кого лучше, они стали голосить на весь вагон.

Вскоре пришла проводница, шикнула на компанию. Охотники притихли. Лена предложила Анатолию выйти в тамбур, покурить. Унылый Шура вылил остатки алкоголя себе в стакан.

А, в общем, попутчица предстала неплохой, скромной, умной, доброй, спокойной, тихой, прекрасной девушкой. За двадцать минут общения Толик почти в нее влюбился. Может, этому способствовали напичканные алкоголем флюиды или зачерстванная без женщины за время охоты душа мужчины потребовала ласки. Он слушал подругу неотрывно, а она, Лена, ненавязчиво, спокойно, глядя ему прямо в глаза, говорила о несложившейся жизни, муже-алкоголике, потерянном времени, капризах судьбы, бесполезном будущем и прочих обременительных обстоятельствах, что могут разжалобить мужика до слез. Наверно, она точно знала, что надо человеку тайги, прожившему в лесу пять месяцев. И так очаровала, что к концу разговора Анатолий был готов бросить к ногам новой пассии всех соболей, что лежали в его сумке. Однако нельзя, чтобы он сделал это при всех. Она просто отстранилась от его решительных, горячих губ: «Я не такая... не могу... не хочу!» И все же, покорившись силе, как бы случайно прильнула к нему: его сильные руки метнулись к гибкой талии, а потом, на мгновение, скользнули по упругой груди.

Дело было сделано. Под ребрами влюбленного марала закипела кровь: «Эх, жизнь моя, жестянка! Сколько можно одному в холодную постель ложиться? Для чего живу – неизвестно. А женщина хорошая, верная, вот она, рядом! Если в руки не дается первому встречному, точно из тайги будет ждать. Все, хватит! В моем доме будет новая хозяйка!» Через два часа Толик забыл свое обещание больше никогда не жениться. Попался таймень на блесну за один заброс!

Поведение Лены было достаточно понятным. Она не желала натолкнуться на ошибки прошлого и была не прочь продолжать знакомство с настоящим мужчиной. Конечно, Толик сделает все, чтобы его любимая женщина (в этом он уже не сомневался) была к нему благосклонна. Дело стоит того, чтобы не позже вечера он добился ее любви. Утро только начинается, весь день впереди, тем более они едут в один город.

Придерживая даму под локоток, Толик проводил спутницу в вагон, к своим местам.

В купе царил переполох. Переживая поражение на любовном поприще, Шура допил остатки водки, прошелся по коридору, разбудил мужика, грозно предупредил его, чтобы тот не храпел. Не разобравшись в происходящем, мужик запросто заехал кулаком Шуре в глаз. Завязалась драка. Проснувшиеся пассажиры быстро уgomонили дерущихся, растащили по своим местам. Было смешно наблюдать за тем, как с ложкой на глазу Александр теперь объяснял соседке, тетушке Наталье, как он в былые годы служил в элитном подразделении морской пехоты.

Толик поспешил к проводнице, сунул ей в кулак оставшиеся пятьсот рублей, чтобы та не вызывала милицию. Обстановка нормализовалась.

За окном брезжит сиреневый рассвет. Никто не заметил, как пролетело время. Проводница прошла по вагону, предупредила пассажиров, что через две остановки будет город.

На сборы ушло пять минут. Анатолий помог накинуть Лене на плечи пальто, оделся сам, с достоинством водрузил на голову соболью шапку, достал из-под полки свою сумку. Небрежно закидывая остатки продуктов в сумку, Шура собрал свою поклажу. Он все еще доказывал тетушке Наталье, что там, на перроне, точно набьет физиономию храпящему мужику. Соседка, страдающая от радикулита, как могла, успокаивала Шуру добрыми словами, коварно рассчитывая на то, что тот поможет ей донести сумку с поросенком до автобуса.

Наконец-то покачивающийся вагон замедлил движение. За морозным стеклом замелькали станционные огни, окна большого вокзала, разноцветная реклама, суетливая толпа на перроне. Пассажиры потянулись к выходу. Впереди всех, расталкивая зазевавшихся соседей, тетушка Наталья. Следом с теткинм баулом и своей сумкой, Шура и сонный мужик, заехавший Шуре кулаком под глаз. Последними неторопливо выходили Лена и Толя: влюбленным надо тянуть время как можно дольше.

А на перроне слышны громкие восклицания! Толик насторожился, распознал взволнованный голос товарища, заторопился, подумав, что храпевший пассажир опять лупит напарника. Оказалось, все иначе. Александр... Обнимался с тем мужиком! Здесь, на улице, он узнал в нем одноклассника по школе, Витьку Сорокина, с которым сидел за одной партой! Надо же, в сумеречном вагоне не узнали друг друга. А тут – на тебе! Вот так встреча! Пятнадцать лет не виделись...

Толик в растерянности: что делать? Их должен встречать брат, они заранее договорились по телефону, а Шура разыгрывает спектакль, с одноклассником братается. Рядом радикулитная соседка терпеливо ждет, когда ей Шура поможет до автобуса донести сумку с поросенком. Сбоку дрожит Лена, в легком пальто на улице морозно. Анатолий поторопил Шуру, напомнил, зачем они сюда приехали. Александр, – о, настоящая русская душа профессионального охотника! – по всей вероятности, от впечатления встречи с одноклассником совсем оттаял душой. Всем сразу предложил поехать с ними, потому что их встречали на машине: куда кому надо, довезут без проблем! Витька Сорокин и тетушка Наталья с радикулитом, конечно, согласились. Толик украдкой показал Шуре кулак. Александр сам понял ошибку, но поздно. Компания в составе пяти человек двинулась на выход в город. Впереди, освещая глазом дорогу, «подстреленный» Шура.

На привокзальной площади образовалось столпотворение. Пассажиры спешили добраться домой: кто на автобус, другие – на такси. Шум, грохот, звонки, сигналы. Люди, машины, автобусы, все смешалось в одну кучу!

Из толпы выскочил двоюродный брат Анатолия, Сергей. Он живо подскочил с распростертыми объятиями, распахнул дубленку, задвинул соболью шапку на затылок, протянул руки:

– Здорово, братан! Как доехал? Ну, ты и худой после тайги! Как галета, краше в гроб кладут! Шура, привет! И ты здесь? Опять с синяком?

Недолго осмотревшись, Серега заметил Лену, затем перевел взгляд на Толика: это с тобой? Твоя?!

Анатолий недвусмысленно прищурил глаза. Серега засуетился, потянул в сторону: «Поехали, чего мерзнуть?» Все пошли за ним. Брат приостановился, недоуменно посмотрел на шествие за ним. Он никак не ожидал, что пассажиров окажется больше, чем надо.

– Серега, давай довезем!.. – засуетился Шура. – Что, бензина жалко? Я заправлю...

Сергею бензина было не жалко. Не взять знакомых брата и друга он тоже не мог, не таков был его деревенский уклад, характер сговорчивый, безотказный. Однако кислая физиономия выдавала, что в данном случае что-то кроется.

Как оказалось в следующую минуту, все дело в транспорте. Машина Сергея, «Ока», выглядела недостаточно представительно. Непонятно, как в нее могли поместиться шесть человек. Возможно, все было бы не так сложно, если бы не тетушка Наталья в шубе и сумка с поросянком. В нерешительности гости остановились перед жалким созданием КамАЗа, но тетушка Наталья была оптимисткой:

– Мы, вон, на «запорожце» по девять человек ездили, и ничего...

В первую очередь затолкали в багажник сумку с поросянком. Бедная машина жалко пискнула амортизаторами, но все же вынесла неподъемную кладь достойно. Только смеющиеся таксисты могли подсказать, как выглядела «цыганская кибитка» со стороны.

Сели. Шесть человек. Четверо сзади, тетушка Наталья с Серегой впереди. Для Толика это были счастливые минуты: согнувшись под низкой крышей пополам, Лена сидела у него на коленях! Потускневший Сергей дрожащей рукой щелкнул стартером. «Ока» завелась и, ко всеобщему удивлению, поехала.

Дальнейшее передвижение однозначно походило на езду каскадеров. Показывая дорогу к дому дочери, тетушка Наталья систематически хваталась за руль и поворачивала машину в нужном направлении на перекрестках. Сергей ругался. Шура рассказывал Виктору, как ходил в этом году на промысел. Холодея душой, Толик прижимал к себе дрожащими руками Лену.

С помощью тетушки Натальи они искали дом дочери два часа. Наконец-то свиная кладь и радикулитная соседка освободили резиновую «Оку». Прощаясь, тетушка Наталья недвусмысленно намекнула, что она не против ехать домой назад, в таежный поселок, с полюбившимися земляками вместе, если последние заедут за ней на этой машине. Отъезжая на полном газу, Сергей негромко заметил, что обратной дороги с тетушкой Натальей он и его «лягушка» не переживут.

Найти дом Витьки Сорокина оказалось проще. Без путеводителя Серега быстро проехал по полупустым улицам города до указанного места. Прощание с одноклассником было продолжительным. Предчувствуя банкет охотников, Витька медлил покинуть машину, напрашивался в гости (давно не виделись) и вылез только тогда, как Шура написал на клочке бумаги адрес Сереги. Твердо заверив: «Буду к вечеру!», Витька, наконец-то недовольно хлопнув дверкой «Оки», пошел к своему дому.

Наступила очередь Лены. Серега вопросительно посмотрел на брата в зеркало заднего вида, улыбнулся:

– А даме куда?

– Дама едет с нами! – ответил за Лену Толик.

Лена удивленно вскинула брови, тяжело вздохнула, но от предложения не отказалась, улыбнулась, тихо ответила:

– Но к вечеру мне надо быть у родственников.

– Не переживай, доставим в лучшем виде! – пообещал Толик и довольно заметил, как новознакомая спутница – будущая жена, приятно покраснела щеками.

– Теперь поехали, дела сделаем, – важно приказал Шура. – Вези туда, где были в прошлом году!

Сергеа послушно надавил на газ, погнал машину на пушно-меховую базу.

После недолгих поворотов и светофоров «лягушка» резво подкатила к высотному кирпичному зданию с надлежащей вывеской. Шура схватил свой саквояж, не дожидаясь друзей, проворно побежал к полированному крыльцу.

– Он всегда такой. Думает, у него соболя лучше, больше денег дадут. Пусть сдает первый, какая разница? – с усмешкой заметил Анатолий, и уже Лене: – Пойдем с нами?

Девушка нехотя повела равнодушным взглядом: зачем я там? Однако, судя по поведению, она ждала этого предложения.

Все прошли по высоким ступеням, Серега открыл лакированные двери. На входе стояли двое охранников:

– Вы сдавать? Направо, по коридору...

– Знаем, были...

В огромной комнате чувствовалось строгое напряжение. Несколько девушек-приемщиц в ожидании начала процесса с улыбкой посмотрели на охотников: «Вот, еще одни лохи подвалили!» Но все же, соблюдая положенные нормы приличия, ласково поприветствовали:

– Здравствуйте! Проходите, раздевайтесь!

Шура, чувствуя себя как дома, присел за столик напротив, сложил ногу на ногу, пахнул шубу, соболью шапку заломил на затылок, одновременно оглядывая окружающих. Ни дать ни взять великий золотопромышленник сибирских приисков! Да что там золотарь? Купец Ухоздвигов! А в сумке под ногами сорок самородков по кулаку! Видно, что для Шуры данная минута – главная в году, подведение итогов проделанного труда. Может, еще потому, что в бытовой жизни на «вы» с ним никто не общается. Жена Татьяна, в лучшем случае, когда он выходит из тайги, нагонит самогона да в первый вечер потрет ему в бане спину. А тут! Длинноногая брюнетка в короткой юбчонке, с волнующим разрезом кофточки на груди, с прелестной улыбкой предлагает ему кофе. Важный Шура набивает себе цену:

– Мы, настоящие таежники, кофе не пьем! Нам чай подавай, да покрепче, купеческий!

Брюнетка – эталон вежливости и наигранной сексуальности, старается угодить ему нежным голоском, пищит, как скворец:

– Ах! Какой у вас утонченный вкус! У нас чай пьют только настоящие мужчины!

Девушка прошла мимо, цокая каблучками, вздрагивая упругими ягодицами, еще раз повернувшись, с улыбкой посмотрела на Александра, ушла в соседнюю комнату, но тут же вернулась с подносом в руках назад:

– Вот, горячий индийский чай! Угощайтесь: сахар, печенье, шоколад, конфеты!

А сама, низко склонившись, показывает Шуре излишне оголившуюся грудь, встает боком, играет бедрами, навевает ему стойкий аромат косметики и французских духов. Знает хозяин приемного пункта, чем завлечь промысловика. После такого гостеприимства охотник на будущий год опять придет сдавать соболей к нему и не будет торговаться с заниженными ценами.

Шура ни жив ни мертв! Вытянул шею, как глухарь, обжигается горячим чаем, но лупит глаза на шелковистые налитые персы чаровницы. Эх-ма! Мужик все-таки!

А приемщицы возмущенно поторапливают взглядом: что расселись, как на базаре? Давайте быстрее нам вашу пушнину да проваливайте! Таких, как вы, за неделю в окно не перекидаешь!

Не допив чаю, Шура первым подошел к заветному столику. Медленно, как и подобает в час триумфа, поставил свою сумку с соболями на стол, с шиком открыл замок, запустил в нее подрагивающую руку. Спокойный взгляд промысловика почему-то сменился на недоуменный. Не понимая, что произошло, Александр некоторое время медлил, а потом вдруг перевернул свой баул на стол. Заиграла душа охотника! Он хотел удивить окружающих шикарным мехом, а из сумки вывалилась непонятная шелковистая мутная, грязная масса. По каким-то причинам

аккуратно расчесанные шкурки смешались с растаявшими пельменями, пролившейся сметаной, колбасой, салом, хлебом, конфетами и прочими продуктами, чем снабдила в дорогу дорогого мужа жена Татьяна.

В приемочном пункте – смех! Работницы плакали слезами довольных курочек. Охранники хохотали басовитыми гусями. Услужливая брюнетка, бесстыдно оголив голые бедра, упала в кресло и закрыла лицо ладонями. На шум из кабинета выбежал хозяин заведения. Узнав причину веселья, он ухватил руками огромный живот, но все же набрался сил скрыться назад.

У Шуры полный конфуз! Какое-то время он растерянно перебирал слипшихся соболей, стараясь найти хоть одну шкурку, не испачканную продуктами питания. Желание покорить «Голливуд» растворилось в прах. Скрываясь от позора, Александр завалил соболий комок назад в сумку и пошел на улицу, обидевшись на весь белый свет. Серега поспешил за ним, успокаивать друга.

Когда улеглись страсти, наступила очередь Анатолия. Окружающие вопросительно смотрели на него: что, может, твои соболя в солидоле? На деле оказалось все наоборот.

Толик был в какой-то мере подобен своему товарищу. Нешуточное дело – сдавать соболей! Быть в тайге полгода, подводить итог с достоинством – желание любого охотника-профессионала. Трудно сказать, какие чувства играют в душе промышленника. Наверно, некоторая усталость от прожитых дней, гордость (но не гордыня) за то, что еще один сезон прошел недаром. И еще маленькую толику взрывного адреналина за товар: знай наших, не топором рублены! Любый человек так устроен, со времен каменного века впиталось с кровью, что любой творец одиночного промысла ждет достойной оценки окружающих, чувства восхищения, зависти, уважения к полученному результату (в данном случае – добытым аскырам). Чтобы все говорили: «Ах! Ох! Какой ты молодец!» Пусть это относится к одному добытому соболю (чем меньше соболей, тем они дороже), но так, чтобы воспоминаний хватило до будущего сезона. В этом есть стимул жизни человека тайги: стремиться, работать, мучаться долгие месяцы, чтобы в одночасье превратить результат своего труда во благо других.

Возможно, в какой-то степени этим состоянием обладал и Анатолий. Да и как тому не быть? Он тоже был человеком тайги, промысловиком, охотником. Ему тоже хотелось показать результат своей работы людям. В добавление к этому сейчас рядом находилась понравившаяся ему девушка, с которой он надеялся продолжить свою дальнейшую жизнь.

А показать было что! Ворох шоколадных шкурок, кучка мягкого золота, волнующий мех высокосветского представления вывалились из его обыкновенной спортивной сумки на стол приемщицы. Как и бывает в подобные минуты, увидев душезахватывающее богатство, все, кто был рядом, затаили дыхание, на некоторое время замолчали под впечатлением увиденного. Спокойная, до этого момента хладнокровная Лена вдруг вскочила со стула, подошла к столу и, не отрывая взгляда, стала рассматривать соболей с затаенным дыханием.

Анатолий – король, глава степенности! Умело скрывая ликование захолонувшей души, небрежно подвинул шкурки аскыров к приемщице:

– Вот, смотрите...

Все действия, движения, голос, мимика говорили одно: «Что нам? Мы этих соболей каждый день собираем пачками!» А внутри все клокотало, падало в пропасть от восторга: «Знай наших!» Надпочечники выбросили небывалую дозу адреналина: «Смотри, Леночка, на что я способен! Я – не просто мужик, а охотник!»

Лена, действительно, была шокирована. Так много сразу и таких красивых соболей она не видела никогда. Если у обольстителя женщин доминирует язык и слово, у охотника – руки и результат. Анатолий не умел говорить красиво, разбивать женские сердца пылкими речами. Но в данный момент, в одну секунду завладел сознанием, душой девушки. Если бы сейчас он спросил подругу, пойдет ли она с ним на край света, вероятно, услышал бы однозначное: «Да!»

Толик не думал про край света, не стал спрашивать девушку о каких-то связующих узах, это было неуместно. Однако в ее глазах он прочитал нечто большее, молчаливое, но вероятное. Что сегодня, в первый день знакомства с ней, он может рассчитывать на все! А если это так, надо покорять сердце желанной до конца.

Спокойно перевернувшись кучу с соболями, Анатолий выбрал пару самых черных, встряхнул шкурки:

– Этих я сдавать не буду.

– Почему? – подскочила из-за стола приемщица, возмущенно протягивая подрагивающие руки к соболям, стараясь вернуть шкурки назад. – Они пойдут по самой высокой цене!

– Эти коты украсят другую красавицу, – многозначительно посмотрев на Лену, добавил охотник и бросил аскыров назад в сумку.

Лена покраснела до кончиков ушей: понятно, кому будут принадлежать соболя. Тут же, определившись с чувствами, она гордо посмотрела на окружающих, затем на Толика. Глаза девушки сверкнули наигранной преданностью: «Теперь я точно твоя! До гробовой доски! Может, и умрем вместе, закопают в одну могилу!»

Анатолий важно расправил плечи, выпятил грудь, задрал нос, едва шапка соболя не свалилась: «Видели, какая рядом со мной дама? Она моя!»

Недовольная приемщица еще что-то говорила, упрашивала вернуть шкурки, но Толик был непреклонен. Та сдалась, тяжело вздохнула: «Эх, дура! Такие соболя ушли! Надо было сразу шкурки хапать, деньги за них выложить!» Однако делать нечего, надо этих забирать, а то еще передумает сдавать...

Началась приемка. Профессионально встряхивая шкурки, женщина быстро оценивала их опытным глазом, называла цену. Анатолий молча кивал головой: «Согласен!» Вторая приемщица за соседним столиком тут же набирала на калькуляторе цифры, подсчитывая общую стоимость.

Торговля длилась не больше десяти минут. Добываешь долго, продаешь быстро! Все соболя Анатолия ушли первым сортом. Охристый, кедровый, угольный цвет шкурок радовал глаз. Сотрудницы переглядывались, не обращая внимания на дерматит на коже, не скидывали стоимость. Что там какая-то сотня рублей? На аукционе в Питере они уйдут в пять раз дороже: редкие соболя, нечасто таких приносят.

Шелковистая куча мягкого золота исчезла за столом. Взамен ей в ловких руках зашелетели новенькие купюры. Бумажки превратились в пачки. Пачки полетели в сумку к Анатолию. Последний брикет Толик сунул себе в карман, с довольной улыбкой похлопал по сумке:

– На жизнь хватит! – А сам восторженно ликовал: «Лучше, чем в прошлом году, в два раза!»

После Анатолий открыл вторую сумку. Соболя Веры тоже были сданы по достойной цене...

Провожая гостей, приемщицы блеснули лоснившимися лицами:

– Приносите еще! Приходите только к нам!

Грудастая блондинка смотрела на Анатолия молящими, скорбными глазами: «Милый! Возьми меня с собой! У тебя столько денег!»

Охранники, как князю, почтительно открыли перед ними дверь заведения:

– До свидания!

Анатолий, теперь уже придерживая Лену под руку, вывел девушку на улицу. Искося поглядывая на сумку, она доверчиво прижималась к нему. Шура и Серега сидели в машине. Увидев их, брат выскочил навстречу:

– Все, сдал?!

Анатолий кивнул головой. Все забрались в «Оку». Лена – на заднее сиденье, Толик, на правах толстосума, впереди. Шура что-то сердито лопотал, обвиняя, что в конфузе виновата жена. Серега услужливо чиркнул стартером:

– Теперь куда? Как всегда?!

Толик, как Ленин на броневике, указал рукой вперед:

– Поехали!

Юркая машина лихо дернулась с места, прокатилась несколько сотен метров вперед, остановилась там, откуда можно было дойти пешком, у сети фирменных магазинов. Анатолий важно вылез у парадной двери, помог выйти подруге. Серега пошел с ними. Хмурый Шура остался в машине: что толку идти? Все равно денег нет. Еще раз напомнил Толику:

– Ацетону купи!

И началось! Да уж, широка настоящая душа промысловика, когда есть деньги! Серега, как носильщик, не успевал набивать сумки товаром. Анатолий с Леной, важно прохаживаясь вдоль прилавков, покупали все, что нравилось. Из продуктов – килограммы самой дорогой колбасы, сыры, красная рыба, икра, бананы, апельсины, виноград и прочие деликатесы, о которых Анатолий мечтал в тайге. В добавление в глазах Лены блеснуло желание попробовать разнокалиберные яства. Для своей дамы сердца Анатолий денег не жалел. Он накупил ей какой-то дорогостоящей косметики, духи, сапоги, перчатки, сумочку и еще что-то, что ей нравилось. Стоило девушке посмотреть на предмет своего вожделения и сказать: «Ах!», – как Толик тут же вытаскивал из кармана хрустящие купюры.

Серега удивленно пожимал плечами, тихо шептал брату на ухо:

– Ты с ней давно знаком?

Тот хмурил брови: «Не лезь, не твое дело!»

Покупок оказалось так много, что Сереге пришлось переносить пакеты в машину несколько раз. Сигареты – блоками. Ящик вина и шампанского. Ведро водки. Мясо, полуфабрикаты – килограммами. Продукты и деликатесы, две объемные сумки, как у тети Даши. Объемная пачка соток быстро растаяла на прилавках. Толик хотел снова достать деньги, но Лена остановила его:

– Хватит! Зачем ты так тратишься?

Серега охотно поддержал ее:

– Точно! Поехали, заедем на китайский рынок, пару колес на машину возьми. Ты обещал...

Лена заволновалась:

– Ах, мальчишки! Хватит! Я устала! Отвезите меня к родным.

– Какая родня? Поедем с нами! – И уже шепотом, ей на ушко: – Мы с тобой ни о чем не переговарили...

Лена наигранно наклонила милую головку:

– Ну, если только ненадолго и без всяких там... Я не такая!

– Обижаешь! – обрадованно развел руками Толик.

Наконец-то сели в «лягушку». Шура тешился баночным пивом:

– Ацетон купили?

Про ацетон, конечно, никто и не вспомнил.

– Завтра почистишь своих соболей, сегодня некогда, – заверил Толик.

– А что я буду сегодня делать? – попытался противиться Шура.

– Тебе немного осталось.

– Эх, если бы не Танюха с пельменями, – Александр мечтательно закатил глаза под лоб, – я бы точно с этой брюнеточкой вечер провел!

Лена удивленно посмотрела на Анатолия:

– Что, охотники все такие?! Вчера от жены – и уже...

– Да нет, что ты! Это он просто шутит! – улыбнулся Анатолий, а сам незаметно ткнул Шуру в бок кулаком: «Молчи!»

Сергей недолго колесил по городу. Преданная хозяину «Ока» ткнулась у знакомого подъезда. Они дружно покинули машину, поднялись на третий этаж старой хрущевки. Серега настезь распахнул дерматиновую дверь, гостеприимно указал в глубину квартиры:

– Проходите, не стесняйтесь. Жены, детей нет дома: уехали к теще на неделю... Можно скромно посидеть, поговорить. Давно не виделись!

В большей степени приглашение хозяина квартиры относилось к Лене. Толик и Шура были здесь не единожды, поэтому просто ввалились, не разуваясь, в скромную комнату. Девушка, после того как Анатолий помог ей снять пальто, скромно осмотрела две небольшие комнаты, с улыбкой оценила скромное существование семьи Сергея, потом прошла на кухню:

– Мальчики! Раздвигайте стол, я сейчас быстро что-нибудь приготовлю!

Сергея тайно протянул брата за рукав в коридор, зашептал:

– Кажется, ничего баба! Хозяйственная, скромная. Ты где ее нашел?

– В кособоре черемшу собирала, – с хитрой улыбкой ответил тот.

– Ну, смотри, братуха, может, второй раз повезет! – и уже громко, во всеуслышанье: – Ну, вы тут готовьте, а я машину в гараж поставлю! – и опять Сереге на ухо: – Твоя комната дальняя!

Застолье было недолгим, но шикарным. Лена и правда оказалась неплохой хозяйкой. Она быстро, в течение часа, приготовила несколько блюд из полуфабрикатов, сделала четыре коктейля, украсила все должным образом и рассадил всех по своим местам. Все трое, Анатолий, Серега и Шура лишь успевали разводить руками: как это Лена все делает быстро, аккуратно? На часах половина первого, обед, а у них столько дел сделано и к банкету готовы. Кто-то из них задал вопрос:

– Когда и где ты этому научилась?

– Специализация заставляет, – стрельнув взглядом, интригующее ответила Лена. – В моей профессии так: надо все делать вовремя и быстро!

– А что за профессия?

– Об этом чуть позже, – загадочно улыбнулась девушка и загадочно приподняла указательный палец, – пока это секрет!

– В колхозе доярка, – пошутил Шура.

– Может быть, в какой-то степени, – продолжала гостя. – Лучше вы мне что-нибудь о себе расскажите: охота – это так интересно!

Про охоту Шура мог рассказывать сутками. Особенно в присутствии прекрасного пола. В такие часы на него вдруг нападали медведи целыми семействами, а он один с ножом вступал с ними в схватку и выигрывал поединок. Или любил прихвастнуть, что в день добывал по сорок соболей, что в промхозе он считается передовым промысловиком и что-то еще в этом роде. Анатолий не перебивал: пусть врет, жалко, что ли? Правда – она все равно, как пена в воде, выплывает на поверхность. Серега иногда вставлял в речи хвастливого зайца какое-то колкое слово, на что Шура осаждал человека города:

– Не умеешь врать – не перебивай!

Лена слушала, затаив дыхание. Казалось, сейчас Шура был в ее глазах героем нашего времени. Поговорить с таким человеком – редкая удача. Девушка стреляла глазками на Анатолия: неужели и ты тоже такой? Под ее взглядом Толик усмехался, опускал глаза: я докажу делом!

За разговорами Лена ухаживала за мужчинами:

– Мальчики, не увлекайтесь спиртным, опьянеете, с кем я буду общаться? Лучше пейте коктейль, он успокаивает, придает ясность мыслям. Кончится, я еще сделаю, для меня это не трудно.

Мальчики слушались чаровницу, отставили в сторону водку, пиво. В хорошей компании надо слушать слабый пол. Тем более в розовых фужерах достаточно алкоголя, пьется приятно. Так уж было задумано Леной.

Прошло не больше получаса. Анатолий слепо посмотрел на настенные часы: половина второго. Дня или ночи? В окне февральское солнышко – значит, день. Тогда почему веки залипли медом? Хочется спать, как некстати, пообщаться с Леной, обнять, прижать ее к себе, поцеловать.

Девушка как будто прочитала его мысли, ласково провела ладошкой по волосам, прошептала на ухо:

– Пойдем в комнату...

Едва поднявшись на слабых ногах, Анатолий кисло улыбнулся брату, кивнул в сторону спальни: мы туда, за нами не ходить! Серега ответил оловянными глазами: понял! Шура, облокотившись на спинку дивана, растягивая героические слова, кивал головой себе на грудь.

Небольшая спальня встретила их мягкой постелью. Завалившись на пуховые подушки, Толик притянул к себе Лену, жарко поцеловал в горячие, желанные губы. Запах женщины с ароматом головокружительной косметики, мягких духов утопил его в объятиях любви. Вот еще мгновение – и он увлечет ее. Она не противится, ласково, податливо прижимается к нему игривыми изгибами тела. Внезапно Лена на миг оторвалась от него, нежным голосом колокольчика сказала:

– Я ненадолго... Приму душ...

Анатолий слабо улыбнулся, согласно отпустил ее плечи. Она тихо, бесшумно вышла. Он, расстегивая на рубашке пуговицы, на миг закрыл глаза.

* * *

Толя проснулся от головной боли, колкой, колючей, неотвратимой. Ему казалось, что деревенский кузнец дядя Ваня пудовой кувалдой разбивает в его голове каленый, холодный рельс. Со стоном открыв глаза, он не сразу понял, где находится. Сквозь морозное окно пробивался тусклый желтый свет уличных фонарей. Острое представление таежной избушки развевалось пеплом сгоревшего костра. Небольшая комната вернула его в реальность. Анатолий вспомнил, где находится, что было, но пока не мог представить, что за небольшой промежуток времени день превратился в ночь. А может, уже утро? Преодолевая колючие удары в висках, он повернул голову, осмотрелся. Заправленная кровать, на которой он лежал, навевала самые позорные представления. Он уснул, так и не дождавшись Лены из ванны, успев расстегнуть на своей рубашке только вторую пуговицу. Жгучий стыд заполнил сердце: «Проспал девку!» Гонимый чувством вины перед женщиной, Анатолий подскочил на кровати, схватился за виски, какое-то время сидел, согнувшись коромыслом. Прошло несколько минут, прежде чем он смог собрать в себе волю: надо выходить, просить прощения.

В зале – сонное царство. Серега спит на кресле с открытым ртом, запрокинув голову на козырек. На диване, завалившись набок мешком, храпит Шура. Упершись в косяки дрожащими руками, глубоко вдохнув грудью воздух, Анатолий негромко позвал:

– Лена!

Ответом ему была тишина. Он повторил еще и еще раз, набравшись сил, прошел на кухню, постучал в ванную. Лены не было. Чувство вины перед девушкой захлестнуло нутро: ушла, пока он спал! Эх, мужик называется!

Чтобы хоть как-то притупить боль, Анатолий вернулся в зал, налил в стопку водки, раз, другой, третий, выпил залпом, не закусывая. Ожидая облегчения, какое-то время сидел с закрытыми глазами, зажав ладонями голову.

Постепенно металлический звон отступил, ему стало легче. Одна мысль сменяла другую: «Лена ушла... Придет ли назад? Свой адрес не оставила. Где теперь ее искать?» Взгляд упал на небольшой листочек, лежавший на столе перед ним. И как он его не заметил сразу? Да, это, наверно, ее адрес или пояснение, где и как Лену можно найти.

Анатолий схватил записку, как соболев мышку: ну, конечно, еще не все потеряно! Его щеки покраснели розовым пурпуром, все-таки любовь есть! А когда стал читать крупные печатные буквы, будто провалился в речную отпарину на лыжах:

«Мальчики, спасибо! С вами было хорошо, вы мне очень помогли. Искать не советую, бесполезно.

Вас поимела клофелинница Лена».

Анатолий замер с кислым, обескураженным лицом, слабой улыбкой, уставившись куда-то в угол, в одну точку. Мысли в голове, как снежинки в метель, кружатся, порхают, разлетаются и не могут собраться в одну плотную массу, сбитый снежок: «Надо же, такую оказию не придумаешь в самом страшном сне. Лихо обработала, как лыко с талины содрала...»

Кое-как разбудил товарищей. Сергей, еще плохо соображая, проверяет ящики шкафа, выдвигает тайники и безутешно стонет: «Все подчистила... Знала, где что лежит».

Шура бежит на кухню и обратно, в комнату, в гнев сжимает кулаки, грозит, сопит носом, топает ногами. В такой ситуации он еще не был ни разу в жизни:

– Обокрала, как дурака! Всех соболев уперла! Как теперь жить дальше? А что сказать Татьяне? Потерял? Да уж, теперь весь промхоз десять лет ржать будет! И все из-за Толяна: жених долбаный... Собрался связать жизнь с воровкой!

– Что, Серега, пропало? – наконец-то спросил Анатолий.

– Да уж, знает, где что искать. Денег, вот здесь, в ящике, было пару тысяч: мне Валюха много не оставляет, боится, что пропью... Лучше бы пропил! Тут, в вазочке, золотишко какое, я в нем не разбираюсь, думаю, тысяч на десять. Тряпки в шифоньере кое-какие пригрела: Валюха в дубленке уехала, а вот плаща кожаного нет, шапки соболевой, да еще что-то, сразу с такой головой не могу вспомнить.

– Хы, нашел, о чем плакать! Да у меня в сумке соболев было на машину! – топнул ногой Шура.

– На «запорожец»? – кисло вставил Толик.

– Почему? – у Шуры перехватило дыхание. – Да мне хоть сейчас... мог... хоть завтра на иномарке уехать!

– Семьдесят второго года...

– Это надо же, шкурки в сметане, пельменях и то стырила!

– Отчистит... ацетоном.

– Как отчистит? Это надо уметь!

– Так ты ей сам рассказывал полчаса, как это делается, а она внимательно слушала!

– Тогда ее надо на приемном пункте поймать, когда моих соболев сдавать будет!

– Она что, дура, в этот пункт сдавать? Где-то в другой город поедет или, может, связи на Западе есть.

– В милицию надо заявление написать! – не унимается Александр.

– Напиши давай! – равнодушно поддержал Толик. – У тебя сколько лицензий было? А сколько в сумке соболев? Вот так и напиши в заявлении: «У меня было аскыров столько, что хватило бы на иномарку, но их у меня уперла клофелинница Лена, приметы такие-то» – вот ментам потеха будет: «Так и надо, козел!» А заявление твое отправят в архив, для потомков!

– Так что же теперь делать, мужики? – едва не плачет Шура. – Серега! Ты говорил, что у тебя братки знакомые есть, может, через них что узнаем?

– Есть-то есть, – присаживаясь за стол, наливая себе водки, ответил хозяин квартиры, – можно обратиться, да только вряд ли что получится. Скорее всего, Ленка-клофелинница,

залетная, не из нашего города, в поездах работает. Знаешь, сколько таких нашего брата обманывают? Лохи в каждом вагоне есть. А раз овцы есть, значит, и волки будут. Но все же поговорю с кем надо. Только в этом случае в милицию уже обращаться нельзя. Здесь надо быть с кем-то в одной упряжке. Милиция не найдет, это факт. У братков гарантии больше, но при удаче придется поделиться.

– Как поделиться? Соболей отдать?

– Не всех, часть, сколько запросят.

Такой оборот событий в планы Шуры не входит: делиться он ни с кем не собирается. Но и быть лохом в глазах охотников тоже стыд-позор. Что делать? Да и жить до осени как-то надо, как к жене и детям домой на глаза появляться? Стараясь вылезти из воды сухим, он попытался свалить всю вину на Анатолия: пусть расхлебывает, он в дом девку привел.

– Да уж, Толик, натворил ты дел, теперь нам отдуваться, – хлопая себе по коленке ладошкой, сказал он. – Жених! Выбрал бабу, всех обчистила! Вот хорошо-то, теперь всем на одной картошке до осени жить!

Анатолий молчит, насупил брови: прав Шура, он во всем виноват. По его вине украли сумки с деньгами. Если бы только свои – полбеды, а вот деньги Веры – это уже серьезно. С Шурой можно разобраться: за его тридцать соболей он продаст мотор, лодку, карабин, кое-что из охотничьей утвари. Но Вера женщина серьезная, соболей у нее было больше, чем у Шуры... Да и перед Серегой неудобно. Как быть?

А Шура осмелел, выпил еще одну стопку, теперь уже настойчиво упрекает друга: «Ты виноват, отдавай деньги за соболей сейчас!»

Серегу расставил все на свои места, поставил Шуру на место:

– Кто у тебя соболей украл?

– Клофелинница.

– А при чем здесь Толя?

– Дык, он же ее снял в поезде, в дом привел.

– А кто в вагоне ее колбасой да конфетами угощал? Ты ее хотел уговорить?

– Дык, хотел, да Толик перебил.

– А если бы она на тебя глаз положила, тогда как? Ты привез бы ее сюда?

– Не знаю...

– Не знаю... Да она бы тебя еще там, в вагоне, напоила, ты на вокзал приехал бы уже без сумки. Так что нечего на других вину сваливать, если рыльце в пушку. Меня тоже подчистили, но я никого не виню, сам виноват.

– Дык, что теперь делать? – приложив ко лбу ладонь, спросил Шура. – Что дома сказать-то?

– Не знаю, давайте что-нибудь сообща придумаем. Скажем, что у меня хату обокрали, пока на рынок ходили. Правдоподобно... Или еще что-то в этом роде.

– Только никому не говорить, что было на самом деле, – заохал Шура. – А то меня Танюха прибьет!

– Ну, как же! Мы не проболтаемся, а вот ты сам же ей и расскажешь! Так и будет, как в прошлый раз: у меня здесь сидели, вино пили, а потом в промхозе все говорили, что мы у тебя пару соболей выманили и пропили!

– Да вы что, мужики! Да я... да мы... да не может быть такого!

– Да ладно, чего уж, проехали... – Толик встал со стула. – Курить хочу! Где сигареты?

Он зашагал по комнате, посмотрел на серванте, затем на кухне, чертыхнулся:

– Вот чертовка! И сигареты прихватила, ни одной не оставила! Чтобы ее рак легких просверлил!

– Да уж, такую просверлит... Она на Колыме опилки пять лет курить будет – и ничего! – наливая в стакан вина, хмуро проговорил Серегу.

– Сколько времени? Пойду спущусь в ларек, куплю пару пачек «Примы». Деньги есть у кого? – Толик полез себе в карман джинсов, наскреб мятую сотню и еще мелочь. – Ты смотри, в карман не догадалась залезть... – прошел в прихожую. – Вот змея!!! И шапки наши прихватила...

– И мою тоже? – застонал Шура. – А шуба целая?

– Шуба твоя на месте, и унты стоят. Видно, в сумку все не влезло или мода прошла. А вот моей дубленки – тю-тю!

– И мою курточку стырила... – добавил Серега и, уже обращаясь к брату: – На вот спортивную шапочку, на улице мороз! А на плечи пока вот... Шурина шубу накинь, утром что-нибудь найдем.

– Смотри, не замарай. Она у меня еще новая! – предупредил Шура.

– Ну, конечно, делать мне больше нечего: сейчас пойду в кочегарку, в золе кататься!.. Или по лужам плавать буду... – съязвил Толик.

Шура примолк. Серега предложил:

– Может, мне с тобой сходить?

– Да ладно, что ходить-то? Двести метров... Лучше колбасы да яиц пожарь. После клофелина что-то жрать хочется...

– Хлеба купи, – закрывая за ним дверь, напомнил Серега. – А то с вашими деликатесами голодный останешься...

Анатолий вышел из подъезда, прошел через двор, свернул за угол. Время – около девяти часов вечера, народу на улице мало. Редкие прохожие, спасаясь от мороза, кутаясь в зимние одежды, спешат домой. Немногочисленные машины, освещая фарами скользкую дорогу, неторопливо проезжают по широкой улице. Перед желтым фонарем, неподалеку от магазина, стоит большой черный джип. Внутри него грохочет громкая музыка, из приоткрытых окон валит дым сигарет. Анатолий неплохо разбирался в иностранных машинах, однако, определить марку этого автомобиля не мог. Может, «крузер» или «паджеро», не в его состоянии рассматривать такие крутые тачки. Просто, проходя мимо, усмехнулся: «Сколько надо отходить сезонов в тайгу, чтобы купить такой же? Наверно, жизни не хватит. Да что это я? Мне бы с Верой расчитаться...»

Анатолий поднялся на крыльцо дежурного магазина, открыл дверь, хотел войти, но невольно отошел в сторону. С другой стороны, взявшись за внутреннюю ручку, толкая дверь от себя, стояла молодая черноглазая девушка. За ее спиной, легко подталкивая подругу в спину, стояла другая, менее привлекательная особа. На миг растерявшись от неожиданной встречи, девушки замерли, рассматривая Анатолия. Он, удерживая дверь, пропуская их, пристально посмотрел первой в глаза: «Может, ты клофелинщица Лена?» В свою очередь черноглазая, отойдя от легкого испуга, с ног до головы оценивающее осмотрела Анатолия и, чувствуя преимущество, важно шагнула мимо него. Подруга последовала за ней.

Анатолий пропустил их, степенно ожидая, когда последние уступят ему дорогу. Девушки, как будто понимая это, медленно прошли мимо, остановились подле и, еще раз надменно посмотрев на него, надули губы. Вероятно, в такой одежде мужчина выглядел нелепо: сейчас так никто не одевается, цигейковые шубы с шапочками носили двадцать лет назад. Настоящий парень должен носить кожаную курточку и шикарную шапку. По всей вероятности, он их развеселил. Девушки прыснули со смеху ему в лицо. Вторая прикрыла рот лайковой перчаткой. Черноглазая задрала нос:

– Бомзам в магазинах делать нечего!

В настоящий момент Толя был зол на весь женский род в целом. Едкие слова подхлестнули его, и только огромная сила воли заставила его сдержаться от необдуманных действий. Если бы был перед ним мужчина, он ударил бы его, не раздумывая. Однако воспитание железными клещами обязывало его уважать женщин в любой ситуации. Даже сейчас, когда внутри

Анатолия кипел вулкан, он промолчал, сверкнул глазами в ответ и с шумом выдохнул накипающую боль.

Сзади черноглазая еще раз уколола его: «Смотри, какой профан!» Подруга громко засмеялась, но он и сейчас пропустил издевку мимо ушей, шагнул в проход и хлопнул дверью.

Продавец магазина, высокая размалеванная женщина лет тридцати, может, его ровесница, опытным глазом посмотрела на него из-за прилавка, хмуро спросила:

– Водки?

Анатолий отрицательно покачал головой, растерянным взглядом окинул витрину:

– Нет, сигарет, пожалуйста!

Он хотел добавить: «Примы», но подумал, что сейчас это будет еще одна точка его падения в глазах продавщицы. Вероятно, она начнет осмеивать его перед своей сотрудницей, нервно, кисло взиравшей из-за другого прилавка. Анатолий вытащил скомканную сотню, попросил несколько пачек каких-то сигарет с фильтром. Работница торговли быстро, небрежно схватила несколько пачек из-под прилавка, почти бросила перед ним и отсчитала сдачу. Он распахнул сигареты по карманам шубы, повернулся, пошел прочь. Перед тем как толкнуть дверь от себя, Анатолий услышал за своей спиной:

– И когда вы только напьетесь! Ни одного нормального мужика...

Еще одна боль добавила стыда. И эта приняла его за алкаша. Неужели он так плохо выглядит? Эх, женщины, знали бы вы, кто я такой на деле, да посмотрели на меня в моей собольей шапке, кожаной дубленке, с сотенной пачкой в руках! Возможно, тогда сказали бы по-другому. Только вот где теперь все это? Опять тяжело вздохнув, он медленно побрел назад, к дому брата.

Впереди, под фонарем, оживление. Двери джипа распахнуты, четверо парней затягивают в машину тех двух особ, с которыми Анатолий столкнулся в дверях магазина. Парни навеселе, насмехаясь, грубо обращаются с девушками:

– Да ты что, кобыла? Поехали, покатаемся! Все будет нормально! Еще и бабок срубишь!

Представительницы слабого пола вырываются, отталкивают парней, стараясь избежать неприятностей:

– Не трогай, отпусти! Что, не понятно? Руки убери!

Один из компании парней, самый видный, развязный детина, без шапки, в модном свитере, возможно, старший, командует:

– Да ладно, пацаны, что с ними базарить? Закидывай их в тачку, там разберемся!

Анатолий замедлил шаг, внутренний голос отрезвил: «Не мое дело, без меня разберутся». А совесть, как чистое небо: «Увезут девчонок – обесчестят! Что ты? Иди, заступись!»

Он направился к ним. Отчаянные голоса девушек просят о помощи, вокруг, как назло, нет людей. Парни в предвкушении: еще немного – и закинут жертв в машину.

Анатолий подошел вплотную, встал рядом, и куда только исчезла злость на женский пол: забыл клофелинщицу Лену, и то, что несколько минут назад эти две дамы посмеялись над ним. Надо вступить! А у самого в голове звенит колокол: «Сейчас вчетвером намнут бока!»

– Мужики, хватит, пошутили и будя! – негромко, но уверенно осадил приставал Анатолий.

Казалось, его и не слышали. Парни продолжали донимать девчат, вот еще несколько мгновений – и посадят в джип. Старший крепыш заломил черноглазой руки, другой ухватил за грудь, хохочет. Еще двое подталкивают подругу к двери. И только четвертый, как будто не расслышав, повернулся, посмотрел на него обкурленным взглядом:

– Проходи, дядя, мимо! Давно в «дыню» не получал?

Анатолий не уступал:

– Что, непонятно, они не хотят ехать с вами! Ищите других, для вас это не проблема...

Теперь внимание на него обратили все: это что за Робин Гуд? И на лице каждого из присутствующих отразилось нескрываемое удивление. Четвертый детина развел руки, пошел на него:

– Ты че, мужик, опух? Я же тебе сказал, проходи, тебя никто не трогает!

– Как я могу пройти мимо, если вы к ним пристаёте?

– Тебе-то что? Просто поговорим с курицами и отпустим. Они сами этого хотят, правда, девчонки?

Девчонки не ответили. Черноглазая, согнувшись к земле, стонала от боли в заломленной руке. Ее подруга, обреченно залезая в машину, молчала. Зато парни, что заталкивали вторую девушку, отвлеклись от своей жертвы, успокоились, переключились на нарастающий конфликт:

– Штатив, че за проблемы? Помочь, что ли?

Первый парень, заломивший черноглазой ладонь, тоже отвлекся на них, бросил совет:

– Штатив! Возьми балалайку, встряхни из коробки мозги! Видишь, человек просит!

– Да ниче, мы и так печень на отбивные пустим! – приближаясь еще ближе, через плечо ответил силач.

Еще двое закрыли дверь за плакавшей девушкой, сделали по два шага в их сторону, принялись наблюдать. Толик понял: ситуация далеко не в его пользу, может, пока не поздно, убежать? Но как же девушки?

Неожиданно для всех черноглазая выкрутилась змеей, замахнулась свободной рукой и снизу, коротко, но сильно ударила крепыша сумочкой в лицо. Тот охнул, закрыл лицо ладонями, согнулся. Не раздумывая, девушка замахнулась еще раз и повторно двинула обидчика по шее. Крепыш не удержался, подломился в коленях, заскрипел зубами:

– Ах ты... тварь!

Но воительница уже не слышала его слов. Удивительно быстро, набрав скорость орловского рысака, побежала в темноту вдоль гаражей.

Крепыш стоял на коленях. Парни участливо наклонились над ним:

– Ты че, Валет?

– Прикинь, кобыла, какими-то иголками в морду ткнула... Хорошо не в глаз, и не в ухо!

– Догнать? Притащить сучку?!

– Не надо, я сам. Куда побежала? Нормально, там гаражи, тупик. Сейчас я ее за космы приволоку, разлохматим по кругу...

Сорвавшись с места, Валет убежал в темноту. Разгневанные парни повернулись к Толику. Он понял, что сейчас злость и поражение отморозки будут вымещать на нем. Помощи ждать было неоткуда, бежать поздно. В это мгновение в его глазах вспыхнул свет: на секунду стало тепло и легко. Пользуясь ситуацией, обкуренный детина сбоку пнул его ботинком в лицо. На миг отключившись, Анатолий все же почувствовал, как отрываются пятки, руки раскидываются в стороны, и он летит стреляным рябчиком на землю. Приземлившись под машину, собираясь с чувствами, Толик с некоторым облегчением признал, что не зря надел мягкую шубу Шуры: сейчас будут пинать, а удары будут не такими сильными.

Однако братки не собирались его пинать. В современном мире у подонков существуют более действенные меры, о которых с удовлетворением напомнил обкуренный детина:

– Че, балалайками порезвимся?

Хлопнул багажник, глухо ударило дерево. «Биты... – с тоской подумал Анатолий. – Однако теперь надо точно бежать!»

Собравшись силами, Толик перекатился дальше под машину. В это время с левой стороны негромко шелкнула дверь джипа. Сверху на землю бесшумно опустились осторожные сапожки на каблучках. Воспользовавшись суматохой, вторая девушка вылезла из машины и,

осторожно ступая, поспешила прочь. «Молодец! И эта убежала, – отметил Анатолий, а сам закрутил головой. – Теперь бы самому сорваться!»

Шесть ног в ботинках затопали справа:

– Где он? Вытаскивай за ноги!

Сверху показалась лысая голова, удивленный голос заметил:

– Ну, ты, Штатив, даешь! Да он под машиной пролетел! Пошли на другую сторону!

Ботинки пошли в обход. Не раздумывая, Анатолий мягко перекатился к правой стороне, вылез из-под джипа, с ускорением зашагал прочь. За спиной слышались недовольные голоса:

– Где он? Зажигалкой посвети... Да нет его здесь! Удрал, козел! Ты смотри, и эта сучка выпрыгнула! Ну и дела: всех упустили! Да вон же он! – вдруг кто-то из братков заметил Толика. – Ну, ты... Козел! Стой! Догоню – хуже будет!

Другой, более спокойный, голос оборвал:

– Да не гони его, там Валет, он его отоварит! Садись в машину, мы его прижмем!

Анатолий – дай бог ноги! Побежал что есть силы, сделал рывок до угла: дальше куда? Гаражи делятся на два кармана. Направо или налево? Справа – свет: фонари горят, налево – темно. При свете можно определиться, куда бежать, а в темноте ослепят фарами, забьют битами. Он побежал направо.

Гаражный карман длинный, метров двести или больше. На всем протяжении горят только два фонаря. Один вначале, другой посередине. Что находится в конце гаражного кармана, не видно. Может, спасение там, в конце коридора?

Половину пути Анатолий преодолел на одном дыхании, добежал до второго фонаря, и... остановился. Наконец-то увидел, что впереди тупик. Тут же вспомнил, как Валет упоминал, что здесь выхода нет, но было поздно. Впереди виднелась стена из гаражей. Сзади зашумел двигатель джипа. Бежать назад поздно...

Анатолий остановился за фонарем, осмотрелся. Может, воспользоваться мусорным баком, заскочить на крыши? Решая, как лучше поступить, он прошел еще несколько шагов вперед, что-то увидел на границе света непонятное, а когда подошел ближе, тяжело вздохнул от горя: «Вот влип!» За мусорным баком, на спине, широко раскинув руки, запрокинув голову, лежал Валет. Он еще редко, конвульсивно дергался, иногда хрипел. На его свитере расплылось огромное черное пятно. Из груди, над сердцем, торчала тонкая хромированная проволока, которая все реже вздрагивала.

Черноглазая сидела рядом, на корточках, закрыв лицо ладошкой. Испуганный взгляд девушки выражал страх, она была на грани истерики. Обреченно посмотрев на него, она закрутила головой из стороны в сторону, дрожащим голосом быстро заговорила:

– Я не хотела! Он сам... Я не знаю, как это получилось! Он меня за волосы тащил и бил ногами!

Анатолий наклонился над Валетом: готов... В голове порхают мысли-мотыльки: «Что делать? Подождать, пока подъедут братки? Убьют! Выход один – бежать! И как можно быстрее! А с ней как быть? Бросить? Забьют битами...»

Раздумывать было некогда. Сзади сверкнул и растаял свет галогеновых фар: братки свернули налево, в темноту. У него еще есть время заскочить на крыши гаражей. Анатолий шагнул к черноглазой, схватил за ворот дубленки, потянул за собой:

– Быстрее за мной!

– Делайте все... Только не убивайте! – закричала она раненой птицей, как перед видимой гильотиной, задрожала осиновым листочком, потянулась руками к груди, стала расстегивать дубленку. – Я сейчас... Я сама!

– Дуреха, бежим! Я не тот... Быстрее, нет времени! – Толя схватил ее за ворот, потащил по снегу в угол гаражей.

Черноглазая тонко закричала, заплакала. На нервной почве у девушки начинался срыв. Чтобы привести в чувство, Анатолий встряхнул ее, как котенка, потом несильно щелкнул ладонью по щеке: «Ты меня понимаешь?» Девушка замолчала, испуганно посмотрела на него бездонными глазами, может, что-то вспоминая, быстро вскочила с колен, повинувшись, последовала за ним. Каждый шаг ее становился тверже, увереннее. Она поняла, что бегство – единственное, что может спасти им жизнь.

Где-то за гаражами, далеко, едва слышно, размеренно, глухо рокотал дизель. Матовый свет фар разрезал ночное небо. Черный джип возвращался.

Они добежали до тупика. В углу гаражного кармана – двухметровая бетонная стена, внизу – перевернутый набок мусорный бак.

Анатолий подхватил беглянку, помог залезть на бак, вскочил следом. Он едва дотягивался до края бетонной плиты рукой. Девушка попробовала прыгнуть вверх – не получилось. Анатолий второй раз подхватил ее под мышки, легко закинул на ребро плиты. Лежа на животе, она уперлась руками: «Внизу ничего не видно». Не раздумывая, он подтолкнул ее ноги. Даже не успев охнуть, изобразив мельницу, черноглазая перелетела за бетонную стену. Через секунду он услышал глухой удар, негромкое кошачье мяуканье, какие-то движения. «Приземлилась...» – подумал он и последовал за ней. Переваливаясь через край плиты, краем глаза Анатолий увидел яркий свет галогеновых фар. Черный джип медленно вырулил из-за угла в гаражный карман.

Анатолию пришлось изображать воздушного гимнаста, чтобы не упасть на девушку. Он едва не затоптал ее. Она успела отклониться в сторону, освобождая ему место для прыжка. Удержав равновесие, он склонился над ней:

– Ты в порядке?

В ответ она негромко застонала:

– Ногу больно...

– Идти можешь?

Анатолий помог ей подняться. Черноглазая, прихрамывая на левую ногу, сдерживая стон, зашагала за ним. За стеной нарастал шум приближающейся машины.

Место, куда они перепрыгнули, настораживало. Справа у стены – брошенные темные силуэты каких-то конструкций из железа. Слева – черные нагромождения хлама. Впереди, под яркими лучами прожекторов, выросла высокая дымящаяся труба. Они поспешили и очень скоро вышли на широкий двор местной котельной. Огражденная глухим бетонным забором, она выглядела уныло: огромная куча шлака; грязные, закопченные строения; под обширным навесом – горы блестящего угля. Анатолий понял, где они находятся. Днем они с Сергеем проезжали мимо котельной. Брат объяснял, что это, и на будущий год их район обещают подключить к общей теплосети. Где-то там, впереди, должен быть выход в город. Проход через гаражи и высокую стену забора служил людям короткой «народной тропой». Беглецы воспользовались этой тропой.

Сзади, за высокой бетонной стеной, вдруг раздались громкие крики, угрозы и ругательства: братки увидели своего раненого товарища. Понятно, что теперь по горячим следам они будут искать тех, кто напал на него. Наверно, кто-то из них уже бежит к углу бетонного кармана...

От бетонной стены до кучи шлака около пятидесяти метров, дальше находился огромный двор котельной. Где-то там, за освещенным двором, выход на главную улицу. В широком проходе не было людей, пропускного пункта, какого-либо контроля, покосившиеся ворота открыты. До выхода на главную улицу оставалось двести метров, убежать от погони можно только подготовленному спортсмену, чего нельзя сказать о девушке, которая сильно припадала на ногу. Бросить ее не в правилах мужчины.

Анатолий потянул черноглазую вправо, в темноту, за гору шлака. Впереди – длинное наклоненное сооружение. Анатолий предугадал транспортерную ленту для выброса сгоревшей золы из-под печи. Подобную коммуникацию он видел в своем поселке. Если это так, то где-то здесь, в стене, должна быть дверь для входа в зольник. Может, она послужит недолгим укрытием?

Так и есть. Перед ними возникла угловатая дверь. Но входить через нее опасно: вход один, а другого выхода нет. Там их найдут: помещение открытое, скорее всего, освещено, спрятаться негде. Значит, дорога одна – на транспортерную ленту.

Анатолий свернул перед дверью в узкую, между тесинами, щель прямоугольного строения. Черноглазая на миг задержалась, возможно испугавшись, но он с силой втащил ее за собой в проход. Отсюда можно было хорошо наблюдать, что происходит снаружи, оставаясь незамеченными.

Преследователи не заставили себя долго ждать. Прошло несколько секунд, Анатолий и его спутница даже не успели перевести дыхание, как из-за забора перелетели два бугая и, быстро осмотревшись по сторонам, двухметровыми шагами побежали через двор котельной к выходу в город. В руках обоих чернели небольшие металлические предметы, напоминавшие пистолеты. Их сосредоточенность, скорость передвижения, оружие в руках не оставляли сомнения, с каким намерением парни догоняют беглецов. Шутки кончились. Жизнь затаившихся теперь не стоила шкурки бурундука.

Братки пробежали мимо. В том, что они вернутся назад, Анатолий не сомневался. Они не найдут там девушки в дубленке и норковом берете, вернутся назад и проверят каждый метр двора котельной. Спрятаться от пули сложно. Парни убьют черноглазую, а вместе с ней и свидетеля...

Анатолий лихорадочно соображал: «Что делать? Бежать за отморозками нет смысла. Перепрыгнуть назад, через забор, нереально, там, в джипе, еще один. Он, наверно, по сотовому телефону уже вызванивает своих друзей. Очень скоро здесь будет столько народа, что найдут гайку в этой куче золы! В куче золы... А почему бы и нет?! Не каждый будет мараться, а нам надо спастись!» Эта идея пришла неожиданно, показалась дикой, но единственно верной. Выбора не было: счет шел на секунды.

Будто им в помощь, где-то внизу вдруг загудел электродвигатель. Вокруг заскрежетало железо, под ногами вздрогнула опора. Потеряв равновесие, они упали и, увлекаемые какой-то непонятной силой, поехали по наклону вверх. Черноглазая от страха взвизгнула. Анатолий успел закрыть ей рот ладошкой: «Молчи, убьют!» Он знал, что сейчас они ехали по транспортеру на отброс, правда, вместе с мокрым, но теплым шлаком.

Не понимая, что происходит, девушка схватила Анатолия дрожащими руками за руки, прижалась к шубе головой, доверилась своему спасителю: будь что будет! А случиться могло многое. Все еще только начиналось.

Восседа на металлической ленте в теплой золе, покачиваясь в обнимку со своей новой знакомой, Анатолий хмуро размышлял о своих неприятностях, теперь твердо убедившись, что все беды от женщин. Не побежал бы он в поезде за клофелинницей Леной – был бы при деньгах, без проблем и явно не пошел бы вечером за сигаретами. Тем более не ехал бы сейчас по транспортерной ленте в золе, а лежал на диване с бутылочкой пива в руках. «А эти девушки? – вдруг проснулась его совесть. – Что стало бы с ними?» «А я при чем?! Не будут по ночам шастать! Сколько их таких попадает в руки быков? Небось сами хотели на джипе прокатиться! Дурак, зря вступился... – И тут же сменил ход мыслей: – А может, все не зря!»

Впереди блестело желтое пятно, свет прожекторов. Сейчас мужики вывалятся на улицу. Теперь, главное, закрыть черноглазой рот, чтобы не закричала, когда будет падать. На всякий случай Анатолий ее предупредил об этом. Она посмотрела на него испуганными глазами, качнула головой, но все же закрыл плотно сжатые губы грязной рукой.

Внезапно под ними образовалась пустота, вокруг мелькнул, перевернулся широкий двор котельной. Анатолий успел отметить, что, к их счастью, вокруг не было людей, никто не видел, что они падали из зольника.

Падение длилось недолго. Кувыркаясь, они мягко плюхнулись в сжиженную массу влажной золы с высоты нескольких метров. Черноглазая даже не успела охнуть, как по пояс оказалась в мягком, липучем шлаке. Сверху на них сыпалась точно такая же однородная масса. Осмотревшись, Анатолий понял, что они упали в какой-то железный непонятный короб. При свете прожекторов он едва не покотился со смеху, увидев свою спутницу, превратившуюся в кочегара. Она с ужасом смотрела на свои ладони. Он с усмешкой отвернулся: видела бы ты свое лицо...

Анатолий осторожно выглянул за край железного ящика, осмотрелся. Освещенный двор котельной безлюден и пуст. Где-то далеко, за проходной, проезжали одинокие машины, утихающий шум города успокаивал нервы. Однако все было не так просто. Он понимал, что сейчас преследователи вернутся, проверят все щели котельной, поднимут рабочих, посмотрят в этот ящик. Будет лучше, если они сейчас же покинут железный короб, но тогда где укрыться?

Толе стоило приподняться повыше, как он понял, что короб в котором они находились – это продолговатый кузов какой-то машины. Любопытство пересилило осторожность. Он выглянул дальше, посмотрел вперед и узнал кабину КамАЗа. Они были в самосвале! Скорее всего, многотонный грузовик стоял под погрузкой и, возможно, очень скоро собирался выехать со двора кочегарки. Это было беглецам на руку: уехать с места преступления в грязной золе – неплохая идея. Может, их не заметят...

Девушка зашевелилась, потянулась за ним. Анатолий толкнул ее назад: куда лезешь? Смерти захотела? Она присела у борта, сжалась в комочек. Он еще раз выглянул наружу, вдруг отпрянул назад. Братки возвращались.

Анатолий перескочил вперед, рукой приказал черноглазой быть рядом:

– Не шевелись, пусть зола нас засыплет... Так надо!

Она, кажется, поняла его намерения, с ужасом посмотрела на наплывающую на них грязь, тяжело вздохнула. Он прикрыл ее своим телом к железу, уперся руками в угол, стараясь хоть как-то оградить девушку от вязкой массы.

Мокрый шлак наплывал ему на спину быстро, через несколько секунд достиг колен, поднялся к поясу. В ботинки, штаны просочилась неприятная прохладная жижа. Анатолий поморщился. Черноглазая заплакала. Он цыкнул на нее, и она замолчала.

Вдруг все стихло. Замер транспортер. Потоки сжиженной массы остановились. Анатолий и черноглазая утонули в золе по плечи. На территории слышны торопливые шаги, скоропалительный разговор. Один из парней разговаривает по сотовому телефону:

– ...Говорю тебе, нет никого... Успела проскочить... Ищем! Сами подъезжайте, помогите!

Неподалеку хлопнула дверь. Кто-то вышел из котельной, направляясь к машине. Тот, кто разговаривал по телефону, подошел ближе:

– Ты кто?

– Шофер, – ответил новый голос.

– А кто в котельной?

– Кочегары.

– Сколько их?

– Двое.

– Телку тут видел, пробегала?

– Нет, я в котельной был. А что случилось?

– Не твое дело. Ну-ка, открой кабину, глянем...

– Смотри...

Щелкнула дверь КамАЗа, впереди послышался шорох. Через минуту тот же молодой голос грубо спросил:

– Че загрузил? Куда везешь?

– Шлак. На асфальтовый...

– Короче, дядя! Че увидишь, скажешь: понял? И не дай бог че наврал! Живьем закопаем! Давай вали отсюда!

Добавился третий голос:

– Соловей, в кузове смотрел?

– Да она че, дура? Кругом грязища... И как она туда залезет? Сходи лучше кочегаров тряхни. А я тут с пацанами побазарю. Ксива есть, ща братву к ней домой отправим, найдем сучку!

Хлопнула дверь, водитель сел в кабину. Двигатель КамАЗа глухо рывкнул, заработал. Плавню качнувшись, машина медленно поехала вперед.

Анатолий боялся приподнять голову. У него остановилось дыхание: неужели повезло? Под ним, сдавленная со всех сторон, тяжело дышала черноглазая.

Тяжело покачиваясь из стороны в сторону, грузовик выехал со двора котельной, повернул направо. Через некоторое расстояние Анатолий осторожно выпрямился, осмотрелся по сторонам: надо было запоминать дорогу назад. Ему предстояло возвращаться к брату, а город он знал плохо. Считая перекрестки, улицы, повороты, Анатолий косо посматривал на девушку, мысленно предопределяя ее дальнейшую судьбу. Из разговора братков он понял, что они ищут только ее, значит, его дела гораздо лучше. А вот она – попала в кровавую мясорубку. Скорее всего, того парня она убила, а убийство друга братки не простят. Впрочем, может, еще все у нее образуется. Город большой, найти человека не так просто, можно куда-то уехать... Только вот про какую ксиву говорил Соловей?

Спросить что-то у девушки Анатолий не успел. Грузеный КамАЗ вальяжно подкатил на огромную площадку. Неподалеку высилось огромное холодное здание асфальтового завода. Анатолий понял, что сейчас, зимой, завод не работает, а перегоревший шлак из котельной машины возят про запас, высыпая рядом. Его предположения подтвердили многочисленные черные кучи, рассыпанные по всей территории. Грузовик степенно подкатил к краю, лихо развернулся, пятясь назад. Толя понял намерение водителя. Лететь с золой на землю не хотелось. Может, крикнуть шоферу, вылезти заранее? Нет. Будет лучше, если он не узнает, что вез людей. Рано или поздно братки будут расспрашивать его еще раз. Не исключено, что шофер расскажет о них. А это уже лишнее.

Водитель остановил КамАЗ, пшикнул тормозами, включил подъемник. Двигатель машины зарокотал от повышенных оборотов, кузов-совок легко оторвался от рамы и начал опрокидываться. Черноглазая обхватила Анатолия, предчувствуя очередной удар, ткнулась лицом ему в шубу. Он ухватился руками за борта, громко поддержал девушку:

– Держись крепче! Нам надо продержаться как можно дольше. Падать будем за золой, на кучу, чтобы не завалило!

Девушка согласно кивнула, ухватилась руками ему за шею и сдавила так, что у Анатолия перехватило дыхание.

Кузов взметнулся вверх. Анатолий не успел сообразить, как основная масса мокрого шлака с шипением съехала на землю. Он отцепился слишком поздно, когда по зеркальному днищу скатывались последние камешки золы. Без опоры под ногами они полетели вниз со скоростью свободного падения. Они полетели кувырком, на лету разъединились и, как два мешка с мукой, смачно плюхнулись в сжиженную массу золы. Подъемник щелкнул отбойником, водитель выключил насос, пустой кузов плавно упал на раму. КамАЗ рыкнул соляркой и быстро укатил с площадки.

Анатолий сидел по пояс в свалившейся куче. Черноглазая, наоборот, пытаясь освободиться, дрыгала ногами в воздухе. Он быстро вскочил, выдернул девушку за ноги. Она долго хватала ртом воздух, потом, отдышавшись, стала очищать руки и лицо от грязи.

– Ты как, нормально? – спросил он, заглядывая ей в лицо.

Она молча кивнула головой, встала на ноги, сошла на землю и начала отряхивать одежду.

Анатолий снял шубу, некоторое время встряхивал ее, выбивая шлак, потом вновь надел и повернулся для прощания.

– Ну, тогда бывай. Я пошел: ты меня не знаешь, и я тебя тоже. До дому, надеюсь, доберешься... – сухо, грубо отчеканил он и, не желая больше ее видеть, быстро пошел прочь.

В голове Анатолия роились тревожные мысли: он весь мокрый, надо как можно быстрее добраться до дома. Через две минуты одежда заледенеет, а на улице не май месяц. Он вдруг вспомнил тот случай, как однажды в ноябре в тайге провалился на лыжах в отпарину, утопил котомку, ичиги и куртку. Хорошо, не было течения, он смог выбраться до берега, а потом целый час бежал до избушки, чтобы не замерзнуть. Здесь ситуация в какой-то степени схожая. Бежать в тайге по сорокасантиметровому снегу в носках, без куртки тогда было прохладно, но сейчас все проще. На ногах – ботинки, а Шурина шуба, хоть и мокрая, все же как-то согревала. Идти назад по прямой дороге быстрым шагом от силы около двадцати минут.

Он прошел метров пятьдесят, услышал за собой шаги, повернулся. Черноглазая, на некотором расстоянии шла за ним. Анатолий приостановился, повернулся:

– Тебе чего? Дорогу попутала? Не ходи за мной.

Она молча остановилась в нескольких шагах от него, переминаясь с ноги на ногу. Он снова пошел, она – следом за ним. Парень опять встал:

– Куда прешь? Нам что, по пути? Нечего нам вместе делать, и так из-за тебя морду набили (потрогал разбитый нос), в золе искупался, на черта похож, теперь два дня стирать надо...

– Я постираю... – ответила она тихим, дрожащим голосом.

– Без тебя обойдусь, не первый раз! Ишь, прачка нашлась! Себе стирай... Да шевели ногами, а то небось тоже в сапогах вода – простынешь.

Анатолий пошел еще быстрее, с каждым метром ускоряя шаг. Надо как можно скорее оторваться от девушки – и так за одни сутки себе проблем нажил, теперь два года не расхлебать. Вспоминая дорогу, стараясь идти по безлюдным темным местам, он с тревогой, краем уха слышал, как сзади по снегу скрипят каблучки сапог. Не успевая, она почти бежала за ним. Анатолий замедлил шаг:

– Что ты за мной идешь? Двигай домой...

Она зябко передернула плечиками:

– Пожалуйста, не беги!

– А тебе что, какая разница?

– Я не успеваю...

– А мне что? – И уже с некоторой злобой: – И так из-за тебя влип...

Толя повернулся, ускорил шаг. Она, хлюпая носом, мелко засеменила за ним. Он решил оторваться от нее, убежать, дошел до угла и резко сорвался с места. Она еще какое-то время старалась догнать его, бежала, что-то кричала, тонко плакала, захлебываясь слезами. Анатолий был непреклонен. Быстро добравшись до угла какого-то каменного здания, скрылся за ним.

Еще несколько сотен метров Толик бежал, как сохатый, оставляя за собой неприятное прошлое. Потом вдруг – как сучок в глаз! Он вспомнил, на что похож голос черноглазой. В прошлом году он услышал подобный призыв в июне. Так кричала месячная беззащитная лосиха Машка, когда ее живьем грызли две росوماхи. Тогда Анатолий успел вовремя, маралом пробежал через болотину, спас дитя тайги. А теперь ноги сами остановились.

Он повернулся, двинулся назад. Сознание прострелила отрезвляющая мысль: «Куда, дурак? У тебя что, в жизни мало проблем?» Однако добрый характер охотника словно подталкивал: «Ладно, уж, провожу до дома... И все!»

Черноглазая сидела на снегу, поджав под себя ноги, привалившись к бетонной стене какого-то дома. Ее плечи судорожно подрагивали. Приложив к лицу ладошки, девушка безутешно плакала. Жалостливый голос, действительно, напоминал призыв раненого зверя, пройти мимо которого невозможно.

Анатолий подошел к ней, присел рядом, потянул за холодные ладошки:

– Ладно уж, провожу до дома. Пошли. Далеко живешь?

Девушка вдруг перестала плакать, посмотрела на него жалко, испуганно, затравленно, как пойманная птица, оказавшаяся в когтях ястреба:

– Домой нельзя ходить! – И вдруг затряслась всем телом – замерзла.

– Почему? – поднимая ее с колен, удивленно переспросил он.

– Паспорт... – четко постукивая зубами, ответила она.

– Что «паспорт»?

– Паспорт остался в сумочке... а сумочка... там – возле него.

* * *

Сергей широко распахнул дверь на голос, да так и заледенел у косяка. За его спиной Шура раскрыл рот шире ворот. Анатолий отодвинул брата в сторону, шагнул за порог:

– Что, не узнал?

– Это ты... Где был? – наконец-то совладал с чувствами Сергей, еще через мгновение, посмотрев на человека сзади, дополнил: – А это кто с тобой?

– А где моя шуба? – наконец-то пролопотал Шура и, вдруг узнав свою одежду, схватился за сердце. – Это что, моя шуба? Что с ней?

– Прекрасил, – снимая заледеневшее мохнатое подобие, ответил Анатолий. – Дождь идет... Шлакоблочный. Вода горячая есть? Помыться и постираться надо. Проводи даму в ванную...

Сергея и Шура обомлели. Мало того, что сам был неизвестно где так долго, да еще и привел за собой некоторое «оно» (непонятно, мужика или женщину). Сергей что-то хотел сказать, однако промолчал, отошел в сторону, показал, где ванная. Когда та прошла и закрылась изнутри, оба принялись пилить Толика:

– Ты что, совсем? Где ты ее подобрал? Ты с ней в кочегарке переспал? Зачем ты ее в дом привел? Тебе мало, что нас клофелином напичкали, хочешь, чтобы до утра в одних трусах остались?..

– Тихо, не орите, сейчас расскажу, что произошло, – пытался успокоить их Анатолий и, налив себе полстакана водки, выпил. – Короче, пошел я в магазин...

Друг вкратце прояснил ситуацию. По мере повествования у Сергея и Шуры волосы встали дыбом. Шура побледнел как снег, завалился в кресло. Серега забегал по комнате:

– Ты сам-то понимаешь, что произошло? Нет, ты не понимаешь! Ты знаешь, что ее и тебя сейчас по всему городу ищут? Зачем ты ее сюда приволок?

– Не бросать же ее на улице...

– Ну, так веди сюда всех телок со всех помоек! Здесь тебе не тайга и даже не поселок, где ты всем готов двери открыть и впустить переночевать. Тут город! Таких лохов, как ты, проворачивают и на пику сядят в одно мгновение. Здесь не разговаривают! Здесь не ты, так тебя, иного не бывает... – метался по комнате Сергей. – Ты понимаешь, что они по следам сюда, в квартиру могут прийти?

– Я поднимался по лестнице, зола замерзла, не сыпалась с одежды... Ботинки по дороге на снегу очистились.

– Боже! Какой дурак! – заломил руки Сергей. – Да они сейчас весь город перевернут, каждый дом, каждую квартиру проверят! Ты понимаешь, что у них все повязано, везде глаза? Братки так это дело не оставят: за своего отомстят...

– Что же теперь делать? – прошептал Шура. – Как шубу отчистить?

– Еще один балбес! Достал со своей шубой! – оборвал его Сергей. – Тут надо про другое думать: сматывайте удочки, и как можно скорее!

– Да куда сматывать-то? Ночь на дворе! Время одиннадцать часов... – затравленно выдохнул Шура. – И куда я без шубы? Меня Татьяна без соболей, шапки и шубы домой не пустит.

– Ну вообще!.. Ты под каким забором родился? Про шкуру думать надо... Конечно, сейчас бежать нереально. Утром рано, пока еще не рассвело, я вас вывезу на вокзал. Поезд в восемь утра идет, как раз успеете. Из одежды что-нибудь найду в гараже, там у меня старые куртки и фуфайки есть...

– А деньги? На билеты рублей триста надо... Где взять? Эта кикимора, Ленка, все до копейки выгребла, – уныло похлопал по карманам Шура.

– Ну, с деньгами как-то определимся, – успокоил Серега. – У соседей перехвачу.

– У меня деньги есть! – вдруг раздался мягкий голос за их спинами.

Они повернулись, в немом молчании устремили свои взоры на черноглазую. Девушка успела помыться, накинула на себя махровый халат жены Сергея, накрутила на мокрые волосы полотенце, незаметно вышла из ванны и услышала последнюю часть их разговора.

– У меня вот, – повторила она, протягивая Анатолию зеленую бумажку. – Сегодня на работе получила, в дубленке были. Я обычно деньги в сумочке не ношу.

– Вот еще! – сердито перебил ее хозяин дома и небрежно отвернулся, давая понять, что разговор окончен. – Без тебя разберемся! Давай одевайся и гребь веслами, откуда пришла: прием окончен!

– Почему бы и не взять, если дают? – приподнялся с кресла Шура, сверля загоревшимися глазами новенькую тысячу. – Деньги нам очень даже пригодятся...

– Пусть хоть обсохнет, – робко вступился за девушку Анатолий.

Черноглазая осторожно положила на стол купюру, опустив глаза, вернулась в ванную. Шура потянулся за деньгами через стол, но Серега перехватил бумажку, сунул себе в карман:

– Ладно уж, все одно мне билеты покупать придется.

– Давай я куплю, – настаивал Шура, но под строгим взглядом Сереги плавно опустился назад на кресло. – Ладно, как хочешь.

– Ты купишь, а сдачу себе в карман. А нам еще кое-что прикупить придется, – отрезал Серега и уже брату: – Ох, и рожа у тебя! Хорошо досталось? – Усмехнулся. – Нос, как у гуся, и под глазами синяки! Ну, иди, мойся, черт с мутного болота! А я пока позвоню кое-кому... – И взялся за трубку домашнего телефона.

Анатолий прошел на кухню, ожидая, когда черноглазая выйдет из ванны, присел на табурет. За окном – черная ночь – рысьи глаза. Перед домом одинокий фонарь слепит цветом калужницы. На небе – ни звездочки. В свете желтого прожектора кружит легкая изморозь. «Как хорошо, как будто ничего не произошло. Эх, елки-палки, надо же такому случиться! Жил в тайге, промышлял, и забот не было. Все шло как по расписанию. Надо было оставаться до весны, но нет, в мир надо выйти, себя показать! Показал... – подумал он и тяжело вздохнул, – теперь на всю жизнь хватит...»

Из ванной вышла черноглазая, прошла к нему на кухню с мокрым бельем в руках, тихо попросила:

– Можно я посижу здесь, пока одежда высохнет? Потом уйду...

– Вон, положи на батарею, – равнодушно ответил он, отодвинувшись в сторону.

Она осторожно прошла мимо него, аккуратно развесила мокрые джинсы, белую рубашку, белые носочки и все, что касалось женского белья. Он хмуро отвернулся: «Чистюля... Тебя бы в тайгу да шаровары с рейтузами...» Она как будто прочитала его мысли, не поворачиваясь, ответила:

– Ненавижу грязь! – И уже приказным тоном: – Снимай штаны, я постираю!

– Вот еще! Без тебя все сам сделаю, что я, без рук? – хмуро ответил он и поднялся, чтобы уйти.

– Раздевайся и иди в ванную. А я тут, на кухне, в тазике...

Анатолий не стал противиться: «Черт с ней, пусть стирает, если хочет, мне меньше забот... – а сам где-то в глубине души почувствовал, как застонала память: – Когда-то это уже было...»

Прошло два часа. Анатолий, в штанах и рубашке брата, сидел на кухне, пил некрепкий чай, дымил сигаретой. За стеной, в зале, Серега и Шура под рюмку водки обсуждали положение в стране. Из ванной вышла черноглазая, прошла к батарее, потрогала одежду, не поворачивая головы, заговорила:

– Шубу я почистила, к утру высохнет, джинсы еще влажные. Можно посижу с полчаса, а потом уйду?

Анатолий равнодушно посмотрел сквозь нее, затянулся сигаретой. Она восприняла этот жест как согласие, робко присела на табурет у стены. Долгое время молчали, она – потупив глаза в пол, он – прихлебывая третий стакан чая.

– Как это все получилось? – не зная, о чем говорить, наконец-то спросил Анатолий.

От неожиданности девушка вздрогнула, испуганно посмотрела на него, какое-то время думала, может, вспоминала что-то, затем негромко выдохнула:

– Сама не понимаю... Он подбежал сначала – ударил. Я упала. Он набросился на меня. Я не выдержала... У меня в сумочке спицы были, я люблю вязать, бабушка научила, а сегодня к подруге ходила, показывала ей, как новый пуловер начинать... Она меня провожала.

– Вот и проводила... – дополнил Анатолий.

Черноглазая вдруг переменилась в лице, сверкнула глазами, гордо развернула плечи, приподняла подбородок, изменившимся, холодным голосом, в котором не было и нотки раскаяния, бросила:

– Так ему и надо! Скотина, не будет руки распускать!

Анатолий удивленно посмотрел на нее: «О! Да ты девушка с характером! В человека спицей ударила и нисколько не раскисаешься... Однако здесь волей не пахнет», – подумал он, но спросил о другом:

– Не жалко? А если ты его убила?

– Кого жалеть-то? Таких подонков не жалко!

– Все-таки человек...

– А он меня пожалел? – со злостью зашипела она. – Тоже мог убить, не задумываясь!

– Но ведь не убил!

– Спасибо! Хорошо, что не убил...

Анатолий подавленно замолчал. Он впервые сталкивался с таким напором неприязни. В том мире, где он жил, женщина, хранительница очага, относилась к людям по-другому: уважительно, уступая и доверяя. В худшем случае сварливая жена могла накричать, несильно «приласкать» мужа метлой или же вылить на него ведро холодной воды. А потом, через пять минут, суетиться и просить прощения. В поселке это называлось «спустить пар». Мужик при этом всегда напущенно обижался (до вечера), грозился изменить жизнь, бросить супругу. Однако Анатолий не помнил случая, чтобы кто-то из мужиков хоть раз ударил женщину.

Здесь же, в городе, за один день, прожитый в мире цивилизации, он познал такое, что не могло уложиться в голове: коварный обман клофелинщицы Лены, возможное убийство человека и при этом ни капли раскаяния девушки... Там, в таежном поселке, все то, что он смотрел по телевизору, слушал из рассказов, когда на краткое время выезжал в гости к брату, казалось далеким, чужим, непонятным. Здесь же, столкнувшись с реальностью, он растерялся: Все было не так, когда он приезжал в прошлом году. За короткое время люди в городе стали злее, хитрее. Стоило задуматься о том, что будет дальше. Что стало с людьми за несколько лет? Что будет с этой девушкой, у которой нет и тени раскаяния за содеянное? А может, это ему все кажется, и он накружает себя плохими мыслями?

Анатолий вновь посмотрел на черноглазую: она ли это, что недавно плакала, подражая дикому теленку в зубах росوماхи? Кажется, теперь в лице девушки нет живительной тени сострадания. Она сидела у окна с сигаретой, холодно пуская изо рта дым тонкой струйкой. Гордо поднятая голова, взгляд темных, бездонных глаз выражал полное равнодушие к окружающему ее миру. Даже на Анатолия, своего спасителя, она смотрела с плохо скрываемой насмешкой. Может, вспоминала недавние злоключения, или слишком смешным было его разбитое лицо.

Не зная, как продолжить разговор, Анатолий почему-то спросил о ее семье. Черноглазая ответила, что живет с родителями, бабушкой и пятилетним сыном, замужем не была... Обычная жизнь девушки не вызвала у Анатолия удивления. Сейчас так живут многие молодые женщины: в разводе, без мужа и так далее. Его насторожило другое. Тот холодный, может, равнодушный взгляд, когда она вспомнила о самых близких людях. Матери, женщины всегда говорят о детях, родителях с доброй улыбкой, искоркой нежности в глазах, благоговением, любовью. У ней всего этого не было. В какой-то момент ему даже показалось, что говорит она не о своем сынишке и родной бабушке, которая воспитывает ее ребенка, а о старой, облезлой кошке, которая к своему преклонному возрасту разучилась ловить мышей. Ему почему-то сразу вспомнилось возмутительное воровство клофелинщицы Лены, недавнее бегство жены. Анатолию вдруг показалось, что перед ним сидит не симпатичная леди с притягивающими чертами лица, влекущими глазами, ради которой растапливаются мужские сердца, вершатся великие подвиги, а обыкновенная змея-гадюка, притаившаяся перед решающим прыжком. В его душе возникло отвращение не только к черноглазой, но и ко всей слабой половине человечества.

Больше не говоря ни слова, он встал и вышел из кухни. Зачем было что-то говорить? Анатолий знал, что новая знакомая скоро уйдет и он больше никогда ее не увидит. Для чего встречаться? Разные характеры, линии жизни, противоположные взгляды на окружающий мир не дают положительного результата.

Остановившись на полуслове, черноглазая с удивлением смотрела в его широкую спину. Девушка поняла, что сейчас он уйдет и она видит его в последний раз. Ситуация повергла девушку в растерянность. Она думала, что спаситель затянет разговор как можно дольше, примется очаровывать ее, как это было при редких знакомствах с мужчинами, когда последние, без исключения, добивались ее всевозможными способами. А вышло все иначе. Анатолий просто проигнорировал ее, бросил, как мокрую сигарету, которую даже не пытался подкурить. В другом случае кому-то она с надменной улыбкой бросила бы вслед: «Скатертью дорога!» Кому-то другому, но не Анатолию. Девушка поймала себя на странной мысли, что хочет поговорить с ним хоть минуту и не желает, чтобы он уходил.

А ему было все равно. События последнего дня налили кедровым маслом глаза, залепили медом веки, не помогал даже «Купеческий» чай. Одна мысль: добраться до кровати – затуманила сознание. Он уже не помнил о черноглазой, ему было безразлично, куда и когда она уйдет и что даже украдет, как клофелинщица Лена.

В зале за столом Серега и Шура не заметили его за своими спорами. Анатолий молча скользнул налево, в детскую комнату и, не раздеваясь, бухнулся на диван.

...Матовая синька медленно просочилась в морозное окно. Серая комната наполнилась бледными красками наступающего утра. В маленькую комнату городской квартиры шагнуло начало следующего дня.

Анатолий открыл глаза. В тайге, ни раньше, ни позже, ровно в семь часов, как по внутреннему будильнику, он поднимался с нар, чтобы за час приготовить немудреный завтрак, собраться в дорогу и встать на лыжи. Отработанное за месяцы действие повторяется у каждого промысловика после окончания сезона еще какое-то время: неделю, месяц – до тех пор, пока у человека не притупится ощущение единения с природой.

Анатолий вышел из тайги две недели назад. Это был большой срок к акклиматизации человека в цивилизации, однако память скрипом старого дуплистого кедра на ветру будила его в одно и то же время, в каком бы состоянии он ни находился.

Сегодня ему снился старый сон, в котором он шел на своих широких камусных лыжах по глубокому снегу, а в глазах постоянно мелькали носки острых талиновых досок. Понятно, что Анатолий представил себя в избушке, на нарах, а не в далеком городе на третьем этаже. В добавление к этому он вдруг почувствовал на своей ладони мягкую, теплую, приятную тяжесть пушистого шелка. Парень интуитивно дрогнул телом, не доверяя ощущениям, осторожно повернул голову и едва не задохнулся от волнения. Да, глаза подтверждали, что на его левой руке, свернувшись калачиком, лежит черный с проседью соболь! На миг, шокированный картиной, Анатолий не поддался панике, не растерялся: как зверек мог попасть в избушку и спокойно устроиться на руке врага? Охотничий инстинкт наталкивал поймать аскыра. Решительно насторожив мышцы рук пружиной капкана, он медленно освободил правую руку из-под подушки и осторожно занес ее над спящим соболем, желая ухватить его за шею.

Где-то за стеной послышался резкий, отрывистый голос Сергея. Почему и откуда здесь брат? Недопонимая, что происходит, Толя поднял взгляд: нет, это не его избушка, а городская квартира. Память расплавленным воском всплыла на поверхность: «Я в городе! Тогда откуда на моей руке аскыр?»

В соседней комнате хрястнула пластмассовая трубка: Сергей поговорил по телефону, что-то недовольно сказал Шуре, торопливо зашагал в детскую. Дверь комнаты широко распахнулась. В проходе появился брат, за ним, выглядывая из-за плеча, покрасневшийся Александр.

– Что, спите? – загремел Серега. – Подъем!

– Тихо, – замахал рукой Анатолий, – соболя спугнешь!

– Какого соболя? У тебя что, совсем? – покрутил пальцем у виска брат.

Анатолий не успел схватить зверька за шею: последний взвился юлой, сорвался с его ладони, вскочил на ноги... Да и не соболь это, а голова черноглазой! Когда она здесь появилась, помнит, что уснул. Он не видел, как девушка пришла следом за ним, присела у дивана, положила голову ему на руку и тоже незаметно отключилась. Она испугалась появления Сергея и его громкого голоса. А тот подливал масла в огонь, сверкал глазами, топал ногами:

– Ты знаешь, что вчера наделала? Нет, ты не знаешь! Ты нас всех подставила! Знаешь, кого ты вчера завалила? Знаешь, кого убила? Ты убила Валета! А знаешь, кто такой Валет? Сын Кости Паука! А Паук – авторитет... Положенец в городе!

* * *

И зачем ему это все было надо? За одни сутки случилось столько отрицательных событий – голова кругом. В добавление к ним он взял ее с собой... Для чего? Лишняя проблема, головная боль, тяжесть, последствия, которые могут плохо закончиться. Почему Анатолий так

поступил? На этот вопрос не было объясняющего ответа. Наверно, он не мог отказать человеку, попавшему в беду.

Сергей и Александр смотрели на приятеля вопрошающе: «Ты что делаешь? Тебе мало своего болота? Что, мозги набекрень? Тогда давай, помогай всем бабам в городе...»

Черноглазая умоляюще смотрела на Анатолия: «Ты у меня один, больше обратиться не к кому! Забери меня с собой, спрячь, укрой до поры, пока все не кончится...» Девушка словно чувствовала, что Анатолий не сможет ей отказать, скромно, тихо, со слезами на глазах, попросила его об этом. Ее расчет оказался верным. Толя не смог устоять перед ее просьбой: «Хорошо. Поедем». Сказал, а сам похолодел от своих слов, не понимая, как, где и как долго он сможет ее укрывать от глаз людских.

Они поспешно готовились к отъезду. Все оказалось бы гораздо проще, если бы они были втроем. Черноглазая затягивала передвижение. Ее искали братки всего города. Трудно предположить, что могло случиться, если бы девушку поймали с ними. Чтобы этого не произошло, Сергею пришлось разработать разумный план передвижения. Ее переодели в старую одежду: заношенную, выдавшую Ивана Грозного кухлянку; съеденную молью кроличью шапку, больше походившую на коровий блин; прогоревшие до дыр в духовке валенки с калошами; засаленные ватные штаны. Лицо намазали перегоревшим жиром из духовки, в руки дали пакет с мусором и пустыми бутылками. В данный момент девушка должна была сыграть роль бомжихи, собирающей по подъездам пустую тару. Шура сморщил лицо, заткнул нос пальцами:

– Ну и запах...

Черноглазая покраснела, опустила глаза. Очевидно, что ей неприятно, стыдно, но делать нечего, игра стоила свеч.

– Противно, зато правдоподобно, – довольно заметил Сергей и направил девушку к выходу. – Кто попадется навстречу, пускай слюну, сморкайся, чтобы к тебе было больше отращения. Да пригнись, изображай старуху. Готова? Ну, тогда давай, шаркай ногами...

Тяжело ступая по ступеням, девушка пошла на выход. За ней – Анатолий, через некоторое время Шура и Серега. Каждый старался не привлекать к себе внимания: мало ли кто ходит?

На площадке между первым и вторым этажом произошел конфликт. Дядя Гена с четвертого этажа возмутился присутствием отбросов общества, покрыл черноглазую отборными матами, пригрозил выдернуть ноги при следующем появлении, а на прощание задвинул девушке тяжелым ботинком под зад. Та едва удержалась на ногах, вылетела на улицу, поспешила за угол дома.

Анатолий хотел вступить за нее, но брат вовремя поймал его за рукав:

– Куда? Не лезь, пусть будет все как есть...

Дядя Гена прошел мимо, скупой поприветствовал соседей, подозрительно посмотрел на Толика и Шуру, спросил у Сереги:

– Что, гости были? – усмехнулся: – Да уж, вижу, что ночь за столом прошла... Видно, супруга в отъезде?

Сергей что-то буркнул в ответ, тяжело вздохнул, махнул рукой:

– Некогда – в ларек за пивом побежали. Душа горит!

Разошлись. Дядя Гена – тяжело переставляя ноги, к себе в квартиру, наши герои – за угол дома, к гаражам.

Черноглазая подавленно молчала. Такое оскорбление она перенесла впервые. Ее душу сверлила обида за то, что никто не заступился за нее.

Анатолий потупил взгляд. Стараясь казаться равнодушным, Шура насвистывал какую-то песенку. Сергей щелкал ключами в замке гаража.

Наконец двери распахнулись. Сергей завел «Оку», не выгоняя машину на улицу, подтолкнул девушку к багажнику:

– Лезь!

Свернувшись калачиком, подогнув под себя ноги, черноглазая покорно легла на указанное место. Сергей накрыл ее какими-то тряпками, вывернул из стоявшего рядом мусорного бака целлофановый мешок с удручающим запахом, насыпал сверху, закрыл дверь.

– И мы в такой вони поедим? – округлил глаза Шура.

– Береженого Бог бережет!

Все сели. Сергей ехал по закоулкам второстепенных улиц. Шура на переднем пассажирском сиденье нравоучительно показывал дорогу. Анатолий, скрестив руки на груди, хмурил брови, слушая, как плачет черноглазая.

На выезде из города их остановили на посту ДПС. Бравый сержант приложил руку к козырьку, представился, приступил к делу:

– Фух, ну и выхлоп у вас в машине! Употребляете? – и, не спрашивая документов, потянул Сергея на улицу. – Багажник откройте!

Дрожащими руками Сергей щелкнул кнопку, поднял третью дверь. Сержант брезгливо надул губы, хотел разворошить грудку тряпья, но раздумал:

– Ты что, помойку вывозишь?

– Да вот, в квартире ремонт делаю, разный хлам выбрасываю, – нашелся Сергей.

– Ничего себе хлам! Собака сдохла две недели назад... Представляю, как у тебя в квартире пахнет... Ладно, проезжай! Да больше не пей: попадешься, права заберу. Скажи спасибо, сейчас некогда, а то бы на экспертизу поехали...

– Спасибо, товарищ сержант! – суетливо захлопывая дверь, залопотал Сергей. – Больше не буду!

Тот не ответил, равнодушно отошел в сторону, останавливая палочкой следующую машину. Однако краем глаза водитель заметил, как милиционер отрицательно покачал головой в сторону серой иномарки с тонированными стеклами, стоявшей в стороне от дороги.

– Братки... – усаживаясь за руль, подметил Сергей. – Может, пронесло...

– По нашу душу? – кивнул головой в сторону иномарки Анатолий.

– Да, – ответил тот. – Хорошо, в гараже старые половички из-под собаки валялись...

Оставшуюся часть пути Шура молчал как рыба.

Конечная цель пути, развалившийся совхоз «Светлый путь», встретил беглецов настоженно. Брошенные свинофермы и коровники смотрели на путников пустыми глазницами оконных рам, холодными стенами бетона, заброшенными домами, разбитым машинным двором. Единственная деревенская улица во всю ширь размахнулась хаосом и разорением – перестройка началась с сельской местности. Разбитая техника, покосившиеся подворья, заросшая бурьяном, травой и кустарником указывали на заброшенное сельское хозяйство. Живите, люди, как хотите! Среди этого запустения выделялись лишь несколько особняков. Было удивительно наблюдать, как рядовой крестьянин смог продлить годы своего существования в таком убогом, заброшенном «Хмыродыринске», да еще и вести зажиточный образ жизни.

Сергея недолго катил свою окушку по дороге, свернул к глухим высоким железным воротам, за которыми ничего не видно, нажал на клаксон сигнала, не поворачивая головы, пояснил:

– Дружок по армейке тут у меня живет, Боря. Я с ним созванивался, он обещал помочь: отвезет вас, ему как раз по пути...

Их ждали. Грубо загремел железный засов, в металлическом щите единоличного хозяйства открылась маленькая створка. К ним вышел невысокого роста, крепкого телосложения мужичок. После короткого приветствия с Сергеем он с нескрываемым смехом поздоровался с Шурой и Толей:

– Нормальный ход, хорошо отдохнули! Сразу видно, в городе побывали! Где это вы под пресс попали? Кто это вам так морды начистил?

– Если бы только морды, – хмуро отвернулся Шура.

– Ерунда, – подкуривая, махнул рукой Анатолий. – Издержки промысловой жизни!

– Ничего, синяки заживут! – подбадривающе поддержал Борис. – У меня вон, бывало, живого места после драки не оставалось! Так ничего, за две недели все проходило. Вас двое? Ты, Серый, говорил, что троих надо увезти.

– Так нас трое, – мужики переглянулись.

– Ты что, тоже едешь? – удивленно посмотрел на Сергея Борис.

– Нет, – загадочно ответил тот. – Она у нас, в багажнике... – оглянулся по сторонам, – только давай сначала машину во двор загоним.

Когда за окушкой тяжело грохнул железный засов, Анатолий открыл дверь:

– Вылезай, приехали!

Куча мусора в багажнике зашевелилась, разбрасывая по сторонам картофельные очистки и остатки пищи, черноглазая, опустив голову, вылезла к ним. Боря на несколько секунд лишился дара речи, смотрел на приехавших товарищей с возмущенной растерянностью, потом, заикаясь, заговорил:

– Мужики! Да вы что? Не могли получше... На какой помойке вы ее нашли?! Да ее надо неделю в бане отмывать! От нее пахнет, как от параша! Вся машина провоняет. Как ее везти? Ну, Серый, даешь стране угля! Ты говорил, что приятной внешности дама... У тебя и вкусы! Все свалки в городе объехали? Можно было и лучше... Да у меня жена сейчас увидит, вместе с вами выгонит! Нет, не повезу!

Слышно, как хлопнула в доме входная дверь. Боря замер на полуслове:

– Жена! Прячьте ее, мужики, в собачью конуру! Да нет там никого, хорошо, кобель две недели назад лапы протянул...

Едва беглянка залезла в конуру, на крыльцо высокого дома вышла строгая, степенная женщина. Она немногословно отдала твердую команду:

– Боря, кто это? Ночевать будут? В доме нельзя, ребенок больной. Постели им во времянке. Да не вздумай пить! Тебе завтра ехать!

Сказала как отрезала. Повернулась, ушла, опустив мужа «ниже плинтуса». Здесь сразу понятно, кто в доме хозяин и чья шляпа висит на гвозде. Боря виновато стрелял глазами:

– Ну, ничего, мужики, и правда, пацан болеет, пошли во времянку, там ночевать будете. Там тепло, нормально. А утром пораньше поедem... А даме вашей на ящике постелим. Завтра разберемся. Ты что, Серый, ночевать не будешь?

Сергея отрицательно покачал головой, с грустью посмотрел в глаза товарища: «Боря! Ты ли это? Не помнишь, как в армии от дембелей отбивался, никого не боялся? Да на тебя весь взвод с уважением смотрел, гордился тобой за твердость духа, силу, честность! А теперь что, в подкаблучники затерся?»

Боря глаза прячет, виновато суетится перед другом, приглашая в летнюю кухню. Что поделать, если баба в доме хороводит? Не может он объяснить, как все это произошло. Да уж, без своей Матрены он не имел бы богатое хозяйство, не построил бы дом, не купил бы две машины и трактор. Может, и пригласил бы друзей в дом переночевать, где шесть комнат, да, правда, сын что-то кашляет – простыл. Да и любимой супруге отдыхать надо, завтра на работу, она бухгалтером в совхозной конторе работает. А это не шутка – три бумажки за день переписать. Не дай бог не выспится!

Однако уgomонились. Серега, простившись, уехал домой. Боря растопил во времянке печь, принес кастрюлю с картошкой:

– Варите толченку! Мясо, масло, молоко, вон, в холодильнике. Соль – на столе. Вилки, ложки, кружки – в ящике. Завтра ехать рано, в шесть часов, не проспите!

Дав указание, ушел. Шура тут же завалился на диван, укрылся своей шубой:

– Я есть не буду!

Анатолий молча прилег рядом, посмотрел куда-то:

– Картошка сварится, разбудишь!

Черноглазая согласно кивнула головой.

...Кажется Анатолию: прошло несколько минут, только успел закрыть глаза, а его будят. Он подскочил на диване, захлопал ресницами. Перед ним, склонившись, стоит Борис, толкает его в плечо:

– Вставайте, пора ехать. Время пять часов. Я пошел разогреть узик, а вы пока завтракайте.

Анатолий стал тормозить Шуру. Тот тоже, едва проснувшись, заметался по летней кухне:

– Жрать охота! Где твоя помойка? Есть сварила что-нибудь?!

Черноглазая, свернувшись калачиком, лежала на деревянном сундуке, у печки. Кастрюля с картошкой стояла на краю плиты. Приготовив пищу, девушка уснула, не в состоянии разбудить Анатолия. Не обращая на нее внимания, Шура схватил ложку, поднял крышку:

– Ух! Сейчас всю толченку проглочу!

Он сунул ложку, подцепил еду, открыл рот, хотел проглотить содержимое, да так и замер.

– Что это? – наконец-то вымолвил он, с удивлением рассматривая картошку, больше походившую на кусок глины, и тут же застонал заломленным сухим деревом. – Ты что, нас отравить хочешь?

Девушка вскочила от удара его ноги по ящику, испуганно поджала ноги. Ее взгляд выражал страх: неужели пришло возмездие?

– Ты что приготовила? – повторил Шура, протягивая к ней ложку с глиной.

– Картошку натолкла, – сообразив, что от нее хотят, ответила девушка.

– Почему она черная, в лохмотьях?

– Не знаю...

– Ты картошку чистила? – задал наводящий вопрос Толик.

– А что, надо?

– Ну, ты прикинь! Что за баба? Не баба, а курица! Картошку в мундирах натолкла! Ты что, пороссятам пойло приготовила?

Шура кричал что-то еще. Анатолий странно смотрел на девушку: что, первый раз картошку видит? Черноглазая плакала от унижения.

Вскоре зашел Борис:

– Что за дела? – Узнав причину, захохотал: – Наелись?! – Показал пальцем на девушку: – Во! Все они такие, городские! Где вы ее подобрали? Ладно, я с собой сало с хлебом взял, в дороге перекусим. Хватит канючить, поехали! Что, ее тоже с собой? А может, по дороге выкинем? Проблем меньше... Нет? Тогда пусть лезет в мешок из-под комбикорма: мне проблемы не нужны, вдруг кто остановит!

Черноглазая подавленно пошла вслед за ними, послушно залезла в «таблетку», расположилась на мешках с комбикормом, отвернулась к окну, закрыла лицо ладошками, судорожно вздрагивая плечиками: пожалеть и заступиться некому, бежать некуда.

Анатолий сморщился, на душе заскребли кошки. Хотел успокоить, но постеснялся Бориса и Шуру.

* * *

Оскольчатый голец разорвал небо надвое. Колкий пик вершины растворился в бирюзовой неге бесконечного пространства. Острые грани горы насторожились черным жалом продутых ветром камней-курумов. Восточная сторона гольца опалилась бархатной пылью переливающихся лучей восходящего солнца. На западной еще не растворилась нежность холодного утра. Северный каньон заиграл мраморными всполохами зарождающегося дня. Чуть ниже, на поясе альпийских лугов, в тени заснеженного, сонного пихтача еще властвовала зимняя ночь.

По неглубокому широкому логу, укутав существование смертельным одеялом покоя и вечности, стелился густой туман. Бесконечная игра – день и ночь – заполонила пространство первозданной тайги красками бытия продолжающегося времени. Так было сотни, тысячи лет, с тех пор, когда под натиском давления земли образовались грациозное величие молчаливых хребтов, и их самая высокая вершина, Оскольчатый голец, своими внушительными размерами возымел гордое влияние над ближайшими белками и перевалами.

Кедровая избушка Макаровых стоит на веселом месте – солнечной южной стороне Подковы. Ее двойное стекольное окно смотрит на юг, на Оскольчатый голец. Стоит обратить взгляд в окно, как величие и величие непоколебимой вершины будит сознание чарами красоты: взрывает сердце человека вдохновением, гордостью за единение с девственным уголком природы; душа так и стонет: «Мы никто по сравнению с этим миром!» Своим месторасположением промысловое зимовье обязано Ивану Макаровичу, отцу Макара Ивановича, который несколько лет искал место для избы по всему белогорью. Старый промысловик специально выбрал широкую луговую поляну с видом на голец: «Душу радует и погоду хорошо определяет». Только эти два объективных пояснения имеют второстепенное значение. Главное, здесь проходят миграционные пути соболя, проложены крестовые путики для ловли зверька, натоптаны богатые звериные тропы, выбиты природные солонцы на марала. А там, в недалекой чаще, между двух белков разлилось большое Рыбное озеро. Более полувека стоит тесненная толсто-стенная изба из шести кедровых накатов, и каждый год оправдывает себя добычей. По прошествии времени охотники два раза перекрывали колотую тесовую крышу. Ее равномерные, рубленые в новолуние, звенящие зрелостью сутунки до сего дня пахнут терпкой смолой. Гладкие, прибранные рубанком стены излучают в зимовье медовый цвет здоровья и долголетия.

Как всегда бывает в этот ранний час, Вера широко распахнула дверь зимовья, вышла на улицу, посмотрела по сторонам, улыбнулась Оскольчатому гольцу:

– Будь благословен, Батюшка Гонец! Приветствую Тебя в добром здравии зарождающегося дня! Спасибо Тебе за продолжение жизни, постоянство и уверенность в завтрашнем дне! Благодарю Тебя за доброту Твою и помощь мне дарами Твоими! Прости меня за нарушение Твоего покоя! Да будут бесконечными годы, красота и щедрость Твои!

После обязательного ритуала Вера трижды, с поклоном, перекрестилась грандиозному пику, затем, во все стороны, избушке и склонила голову в немом ожидании ответа.

Казалось, весь мир замер во время короткой молитвы. Мертвая тишина сковала тайгу. Притихли мерзлые деревья, оцепенели глубокие распадки, широкие просторы подбелочья, закаменели хмурые горы, замерзли рубчатые перевалы. Далекие хребты поддержали святость общения скованным хороводом, ожидая, что ответит превосходящий голец. В этом было что-то мистическое, неотвратимо связующее: человек и природа; жизнь и вечность; существо и Величие. Понятные и необъяснимые законы жизни. Как бы ни была удивительна и своеобразна религия Веры, она была доступна только узкому окружению – тем, кто верил в присутствие духа у всего окружающего. Непосвященный человек, увидев подобное коленопреклонение, с удивлением мог покрутить у виска пальцем, здесь же поражаясь, почему женщине постоянно сопутствует удача на промысле?

Необъяснимые, удивительные явления в природе происходят всегда, везде. Скептик постоянно находит ржавую оценку происходящему. Было бы интересно видеть выражение лица того человека, когда вдруг после слов Веры и непродолжительной паузы среди мертвого царства вокруг вдруг подул в лицо женщины легкий теплый ветерок, с деревьев посыпалась кухта, а где-то там, под далекой острой вершиной Оскольчатого гольца, едва слышно вздохнул тяжелый, надувной снег.

Вера улыбнулась. Она знала, верила, что едва различимый вздох – это ответ на ее слова. Оскольчатый голец услышал ее, ответил добротой и покровительством. Так было всегда. Так есть сегодня. Надо надеяться, что так будет и завтра.

Настроение женщины поднялось. Она проворно запустила в холодный снег горячие руки, живо умылась, вытерла румяное, покрасневшее лицо сухим полотенцем, вернулась в зимовье, растопила печь. Старая глинобитка запищала жаром сухих кедровых поленьев. На чугунной плите загремел опаленный огнем чайник. В одноразовом котелке зашкворчала каша. Заученные движения не имели изъязов: все было отработано днями, годами, ничего лишнего. Воды налито столько, сколько можно выпить за один раз. Гречневая каша греется с таким расчетом, чтобы последняя ложка насытила желудок до обеда. Пища и кипяток должны быть всегда свежими и высококалорийными.

Легкий, но сытный завтрак длился не более двадцати минут. Покончив с кашей, Вера ополоснула посуду, прибрала на столе, уложила остатки продуктов в небольшой железный сундучок. Себе в котомку положила трехдневный запас еды: замороженные пельмени, пару вяленых хариусов и в мешочке сухарей. До дома оставалось пятьдесят километров – двухдневный переход на лыжах. Посередине находилась переходная избушечка, в которой можно ночевать. Так бывало всегда, когда Вера шла сюда, на базовую избу. Но назад за двенадцать часов можно было выйти однодневкой. Путь домой всегда короче в два раза, однако с собой всегда надо иметь запас еды, в дороге бывает всякое.

Последние минуты сборов наиболее тщательные. Поверх продуктов Вера уложила упакованных соболей, патрончики, капроновую сетку, фонарик, топорик, нож закрепила на поясе.

Перед выходом женщина вспомнила законы тайги: у печи наложила горку сухих поленьев, сверху бересты. Большой коробок спичек – на краю стола. Там же три пачки сигарет «Прима». Небольшой запас продуктов в ящике под нарами, остальные на лабазе.

Перед дорогой Вера присела на край нар, еще раз осмотрелась, не забыла ли чего. С тоской посмотрела на сигареты: «Он курит только такие, крепкие. Продукты найдет, лыжи на лабазе». На глазах проступила невольная соль, по щекам покатались слезы. Женщина смахнула их рукавичкой, тяжело вздохнула: пора идти. Путница затушила керосиновую лампу, выдернула отдушину под маткой: изба должна дышать; закрыла дверь, подперла палочкой. Затем закинула на плечи котомку, поверх нее, через спину, обрезанную, с откидным прикладом, винтовку. Через минуту женщина-охотница шагала по заснеженной поляне. На ее ногах – легкие камусные лыжи, в руках, на палке, – таяк – лопатка. Впереди, показывая запорошенную снегом лыжню, чихает пестрая лайка Кухта. Перед входом в кедровую колку Вера остановилась, еще раз посмотрела назад, на избушку: «До свидания, зимовье! Несколько месяцев не увидимся, до июня!» Показалось ей, что ответила та легким, растворяющимся дымком из трубы: «До встречи!»

Первые лучи солнца застали Веру в глухом распадке. Зародившийся день принес удовольствие передвижения. Плотный, слежавшийся двухметровый снег удерживал Веру на поверхности. Легкие талиновые лыжи проваливались на два сантиметра. По мягкой ночной переноске камуски скользили, как по медвежьему салу. Каждый шаг продвигает женщину на два метра вперед. В таких случаях тесть Веры, Макар Иванович, говорил так: «Шел легко, с подкатом, как по маслу! Баба едва дома на постели остановила!» Вспоминая его слова, Вера улыбается: уважает она отца мужа – шутника и балагура. Вместе с изысканными афоризмами он ненавязчиво преподает жизненную мудрость. В свои шестьдесят восемь Макар Иванович остался таким же живым и расторопным, как двадцать лет назад, когда Вера вышла замуж за Ивана. Кажется невестке, что свекор не изменился не только внутренне, но и внешне. Редкие морщинки у глаз не могли выдать годы у старого промысловика. Человек с ветра принимал его за зрелого мужика, а узнав истинный возраст, нескрывая удивлялся: «Как же так вам удалось сохраниться?» Макар Иванович выкатывал грудь глухарем: «В свое время я долгое время был пастухом. Не сосчитать, сколько телят выкормил! А это полезно на здоровье влияет!»

Супруга Макара Ивановича, Таисия Михайловна, свекровь Веры, резко обрывала мужа: «Кабы не я, быть тебе старым кирзовым сапогом! Это ты на мою молодость ровняешься!» При

этих словах женщина откидывала из-под платка побелевшую косу, поправляла на груди кофточку, косо смотрела на мужа: «Скоко мне лет?» «Осьмнадцать! – подсказывал тот с лавки и, растопырив руки, приседал в коленях. – Дозвольте пригласить на танец?» Та важно отходила за стол, отворачиваясь к окну: «Патехвон купи да лайковые тухвельки! Потом уж и приглашай!» «Незамедлительно! – отвечал Макар Иванович и чопорно упирался кулаками в бока. – После окончания промыслового сезона, всех соболей к ногам твоим брошу!» Так и протекала ровная, размеренная жизнь супругов – в шутках, прибаутках да уважении к друг другу. Больше пятидесяти лет прошло со дня свадьбы, а все кажется, что любовь только начинается.

Глядя на отношения детей, многоуважаемый старожил заимки Иван Макарович с улыбкой крикает в бороду. В свои восемьдесят восемь дедушка рад, что когда-то его сын не ошибся в выборе невестки. За все время Таисия не сказала ему плохого слова и до сего дня, в знак благодарности, относится к нему с почтением. А что еще надо старому таежнику в такие годы?

Плохо, что сейчас на заимке нет Люды и Макара. Дети учатся в поселке, живут у бабы Нади. Вера не забывает своих детей, думает о них постоянно. Сколько в зимовье пролито ностальгических слез, знают только толстые накаты, деревянные нары да огонек керосиновой лампы. Как там они без нее? Слушают ли бабушку? Сытые, чистые, опрятные? За Люду Вера мало беспокоилась. Дочка выросла до семнадцатилетия, в школе отличница, хорошего поведения, в этом году оканчивает одиннадцатый класс, хочет поступать, но куда? В нормальное заведение нужны большие деньги. Сейчас это самая большая проблема. Сын Макар – прямая противоположность сестре. Он уже сейчас готов бросить девятый класс, идти в тайгу по стопам отца. Пытливый, любознательный характер следопыта не дает покоя не только Макару, но родным и близким. Если уйдет в лес – ищи ветра в поле! Неизвестно, где ночует и чем питается. Недавно, после Нового года, на каникулах один пришел на участок к Вере под Оскольчатый голец во время недельной пурги. Женщина долго ругала и тут же плакала над сыном, поражаясь, как он не потерялся и не замерз. А он, как взрослый, понуро опустил голову, глухо басил, изображая отца: «Где тут теряться-то? Лыжи дорогу знают сами!» Вера твердо решила: «Как выйду из тайги, на следующий день сразу поеду в поселок! Соскучилась, сил нет!» Так было всегда. Так и сейчас. Так будет завтра.

Вспоминая родных, Вера улыбается: ждут ее со дня на день, любят так же, как она своих домочадцев. А поэтому и шаг шире, дорога домой короче, погода благоприятствует, работа спорится. Наверное, нет ничего лучше, когда ты с удовольствием возвращаешься в родные стены и стремишься к любимой работе. В этом у хозяйки полный порядок. Дом ближе с каждым часом. Работа непыльная. Сегодня последний день промысла, закрытие охоты на пушного зверя. Возвращаясь, охотница закрывает последний путик, снимает капканы. А убирать – спускать «железных собачек» – легко и просто. Стоит ткнуть таяком на язычок, смыкаются, щелкают стальные дуги. Капкан срабатывает, соскакивает с пестика, пестик освобождает очеп, который, в свою очередь, поднимает капкан на высоту, под ветки дерева от земли. В таком положении, под естественным укрытием, капканчик не ржавеет, проветривается и всегда готов к дальнейшей работе. Чтобы снять «железную собаку», Вере требуется несколько секунд. Путь проложен с таким расчетом, что лыжня постоянно идет под уклон. Идти – одно удовольствие!

При спуске Вера не оставляет без внимания ни один след. После ночной переносы, при температуре минус пять градусов, в природе происходит усиленное передвижения зверя. Или, как говорят старые промысловики: «Сегодня – выбежка! В такой час весь зверь на ногах!» Ни один лесной обитатель не останется безучастным к импульсивному позыву природы, оставит свой след на зимнем покрывале. В такие часы легко подсчитать, сколько соболя осталось на участке после охоты, или наличие белки после зимы. Даже сейчас можно смело прикинуть, сколько пушнины можно добыть в следующем сезоне без ущерба охотничьему участку.

Следы радуют глаз опытной соболятницы! Разнообразные стежки крестят переносу во всех направлениях. Большие и маленькие четки оставлены там и тут, в кедровых колках, на краю россыпей, в перешейках луговых полей, на колодинах, у края ветровалов, через упавшие ручьи валежины. Маленьких следков, оставленных соболюшками, больше, чем крупных. Так устроена природа, что для продолжения рода самочек всегда больше, чем самцов. Это значит, что предстоящая осень опять оправдает надежды Веры: в ее котомке будет столько добычи, что семье хватит прожить оставшийся год так, чтобы Люда училась в университете, а нужда обошла заимку далеко за гольцами.

В этом году сезон отошел хорошо. Пять месяцев промысла оказались не напрасными. Если Анатолий удачно продаст соболей, дочь сможет поступить на факультет экономики. А это не хухры-мухры. Пять лет учебы – и у Люды будет хорошая, перспективная, денежная профессия. Там, глядишь, можно закрепиться в городе, выйти замуж, завести детей и жить себе припеваючи, со всеми благами и удобствами! Не всю же жизнь скитаться по тайге неучем, как она, Вера? Правда, у нее была немного другая ситуация: ее выдали замуж в семнадцать лет по таежным законам. Хочешь ты или нет, а против воли отца-матери идти себе дорожке. Тогда, двадцать лет назад, Вера не смогла послушаться родителей, вышла замуж за Ивана и не пожалела об этом. Все у нее было хорошо: хозяйство, работа, семья. До прошлого года, пока не потерялся Иван...

Женщина тяжело вздохнула, опустила голову. Иван, большая тема всей ее жизни. Потерять любимого человека означает обрести горечь утраты до конца дней своих. Ушел муж на промысел и не вернулся. Бывает такое в профессии охотника. В глубоком феврале, когда световой день похож на спичечный коробок, Иван не вышел на связь. Первые дни мало кто переживал, кроме супруги. Существовали версии, что охотник крутанулся по путикам или на переходной избе лишнюю ночь остался. Однако чуяло сердце беду. Когда Иван не вышел на связь по радиации на третий день после положенного срока, Вера вызвала промхоз.

Искали долго, упорно. Под Оскольчатый голец приходили охотники с соседних участков, топтали глубокий снег по всему белогорью, проверили все избы и зимовья близлежащего района. Два дня над хребтами кружил вертолет, но все было безуспешно. Пропал промысловик, как в отпарину провалился. Ни следочка, ни весточки. Погорюнились мужики, родители да смирились со смертью друга и сына. Всяко в тайге бывает, особенно зимой. Умрешь, снегом завалит, а за зиму мыши съедят, росомаха полакомится, а весной медведь косточки догрызет.

Два года прошло с тех пор. Родители отчаялись в своих ожиданиях. Мужики, любимая друга, наливали по полному стакану. Дети выплакали все слезы. И только она, Вера, любимая жена, подруга жизни, не прекращала свои поиски, все надеялась, верила, любила. Знает женщина, опытная охотница, что не может человек исчезнуть просто так, все равно должен остаться хоть какой-то след. Пусть лютый зверь растерзал тело, одежда истлела, а лыжи сгнили, но есть еще множество мелких вещей, которые хранятся в тайге долго: нож, котелок, ложки, пряжки и прочие металлические вещи. Вера знала, что потерялось вместе с Иваном. Ее терзали сомнения: куда могли исчезнуть с лабаза добытые соболя, продукты, ружье, лыжи? Возможно, соболей утащила росомаха, были похожие следы разгрома, но куда исчез карабин Симонова? Иван пользовался нарезным оружием только при добыче мяса, осенью, а потом убирал за ненадобностью на лабаз. Железо может пролежать на земле достаточно долго: где-то под колодиной, на переправе в ручье, под разлапистым кедром. Весной, как только растает снег, Вера уходила в горы и продолжала искать. Надеялась, что когда-то ее поиски увенчаются успехом.

Думая о наболевшем, она не забывала смотреть под ноги. Каждый след о чем-то говорил. Вот прошла через поляну соболюшка: охотница знает, что кошка мышкует (ловит мышей). За ней, покрывая старые стежки, поспешил старый аскыр. Женщина улыбнулась: начало февраля – первые предпосылки ложного гона у соболей, скоро вся тайга покроется тропами маленьких хищников, самцы будут преследовать самочек, добываясь обманчивой любви. Вон там, в ело-

вом займище, натолокли белки. В этом году кормовая база еловой шишки превосходна, плоды держатся на деревьях всю зиму, белкам раздолье, к весне основная масса пышнохвосток переживет суровое время.

Изредка на пути попадаются следы росوماхи. Маленький медвежонок неторопливо, но настойчиво шагает за табунком круторогих сокжоев. Знает отъявленная пакостница, что среди оленей есть больные животные. Ей остается выбрать место и время, чтобы броситься на добычу из-за укрытия.

Через несколько часов своего передвижения женщина заметила удивительную закономерность. Через путик, из-под Оскольчатого гольца, в одну сторону перешли несколько табунков оленей (она насчитала семь) по пять – семь голов. Вера хорошо знает этих неумолимых, не знающих границ тайги и времени бродяг. Как непонятны пути миграции соболя, так и неясны перемещения этих круторогов. Сегодня здесь, на одном хребте, завтра – на другом, за сорок километров. Что владеет стимулом смены места сокжоев, остается только догадываться. Сегодня Вере было интересно, почему олени идут только в одну сторону, а не куда дует ветер, как это бывает обычно? У женщины сложилось впечатление, будто животных кто-то напугал. Иначе как понять тот факт, что основная часть, в это время разрозненная на небольшие группы, с завидной точностью, быстро, друг за другом покидает богатые кормовые места? Но кто напугал? Росомаха? Непогода? Отсутствие ягеля на выдувах?

Все эти предположения охотница откинула прочь. Она слишком хорошо знала эти уголья, природный ландшафт, чтобы делать скоротечные выводы. Может, в другой день утолила бы свое любопытство, свернула с путика, прошла в пяту оленьих следов, узнала, что кроется в необоснованной миграции оленей. Она знала, что загадка кроется где-то рядом, под гольцом, до которого идти два часа. Для человека этот отрезок пути – не расстояние, на лыжах охотница пробежит его легко. Только вот... ее ждут дома. Вчера вечером она выходила на связь: «Завтра утром выхожу!» Все существо, бодрое настроение, восторг были уже там, среди родных и близких. Свернуть в сторону означало задержаться еще на одну ночь, в лучшем случае – ночевать на переходной избушке. Если идти, не останавливаясь, поздно вечером она будет сидеть за столом родителей. А завтра Вера заведет снегоход, поедет в поселок, к детям. Она соскучилась по ним так, что нет слов, слезу вышибает! Так зачем ей сокжои? Пусть они бродят себе, куда им вздумается. Тайга сама разберется, что лучше или хуже. Каждому зверю – свой след. Она вернется сюда, на свой участок через несколько месяцев, и все будет так, как было сотни, тысячи лет назад: по горным хребтам будут бегать олени; хитрые соболя оставят на колодинах свои четки, а теплая кедровая избушка без скрипа откроет перед ней свою дверь.

Больше не раздумывая, Вера заскользила на лыжах дальше, вперед по заснеженной целине. Домой!..

* * *

Любопытная соседка тетушка Наталья пришла третий раз за день: «Дай, Толя, соли!»; «Дай, Толик, сковородку!»; «Наточи, Толик, ножи! Мой дед не умеет так, как ты!» При этом женщина пытается прорваться в дом, крутится юлой, стреляет горящими, с хитринкой глазами:

– Что это ты меня в хату не пускаешь? Дай воды напиться!

Анатолий неприступен, как кузнец дядька Микула, загородил проход в сени:

– Нет воды. Нечего в хате делать, там у меня бардак!

– Да ты что, Толик, что я, бардака не видала? – обиделась соседка. – Всю зиму тебе печь топила, пока ты в тайге был. А теперича что, на порог не пускаешь?

– За печь – спасибо! – Толик захлопнул дверь, навесил замок. – Мне сейчас некогда, – взял ведра, – за водой пошел!

– Ну, дак, я тебя тут подожду, – не унимается тетка. – Нож-то, поточи!

– Сейчас некогда, потом, – выпроваживая тетку за ворота, нахмурил брови Анатолий. Соседка проворно засемила по тротуару рядом, хитро посмотрела ему в глаза:

– Ты, Толик, никак в доме кого-то прячешь?

– Вот еще! Кого мне прятать? – отводя взгляд, ответил тот.

Однако Наталью не проведешь. Она решила идти напролом:

– А правду люди говорят, что ты из города девку привез? Жениться хочешь?

У Анатолия дыхание перехватило: ну, деревня! Везде глаза и уши! И когда успели? Вроде ночью приехали, кто мог видеть? Может, Шура язык развязал? Или она, когда по избе ходит, шторы на окнах не закрывает?

– Кто говорит?

– Дык, люди, бабы в магазине шушукуются.

– Ха! Врут бабы! Никого у меня нет! Ты же знаешь, что я после своей ни с кем больше жить не собираюсь, себе дороже...

А тетка Наталья не унимается, крутится вокруг, тербит душу, даже слезу пустила:

– И что же я тебе плохого сделала? Я же ить и за домом, пока ты в тайге... Снег кидала, кошку кормила! А ты мне даже правды сказать не хочешь.

– Нет у меня никакой правды! Никого я не привез! Некогда мне, идти надо... – отрезал Анатолий, закрывая ворота и удаляясь от навязчивой соседки. А в голове толкутся комары: «Еще одна проблема! А если в городе узнают, что черноглазая у меня?»

Все же он понял, откуда ветер дует. Понял, кто все наружу вывалил. Закипел злостью, сжал кулаки, зашагал по улице в сторону Шурино дома.

Жена Александра, Татьяна, встретила его на крыльце, скрестила на груди руки, зашипела гадюкой:

– Что, и тебе морду начистили? Тоже пустым из города приехал? И как вы с энтим придурком на проститутку всех соболей спустили? Ну-ка, расскажи! Ты себе еще и про запас притащил! Своих, поселковых, не хватает?

– Да на каких... Да не так дело было! – попытался оправдаться Толик, но последняя не стала его слушать, круто повернулась, хлопнула дверью, задвинула засов, убежала в дом.

– А где?... – крикнул он ей вслед, но умолк на полуслове. Понятно, где сейчас проживает Шура.

Заслышав шум и перебранку, Александр выглянул из бани, узнал голоса, тут же спрятавшись назад. Знает кот, чью колбасу съел! Понял Шура, что серьезного разговора с товарищем не избежать, закрылся на кованый крюк, притих мышкой.

Чтобы как-то оправдаться перед женой за соболей, Александр сделал ход конем: как приехал, решил замаслить уши строгой супруге, сразу рассказал о новоявленной принцессе Толика. Первые минуты общения жена согласно кивала головой: «Правильно сделал. Пусть женится! Может, хорошая попалась. Третий год мужик один мается!» Но как дело дошло до кошелька, Татьяна решительно сменила позицию, обрушилась на мужа горной лавиной. Не помогла ему завалившаяся в кармане конфетка, которую Шура привез дочке в гостинец из города. Обвинительная речь и ухват в руках возымели должный эффект. Шура стремительно ретировался в баню, где он иногда проживал во время семейных конфликтов: от греха подальше, пусть остынет.

Однако Татьяна не желала остывать. Негодуя и бесчинствуя, разгневанная супруга порубила топором дверь предбанника, выбила окно и пыталась спалить баню вместе с мужем-дураком. Хорошо, что под рукой не оказалось спичек. На следующий день, когда открылись двери торгового заведения, Татьяна доложила подругам все, о чем знала и догадывалась. При этом обиженная женщина плакала навзрыд: «Ох, горе! Весь охотничий сезон насмарку... Как жить дальше? В доме нет куса хлеба...» Подруги утешали Татьяну, обещали: «Поможем!» А сами, шушукаясь, стремительно передавали небывалые новости дальше.

Анатолий подошел к бане, пнул дверь:

– Шура, открывай, разговор есть!

В ответ – тишина. Грозный голос товарища не сулил ничего хорошего, Александр притих: может, пронесет? Толик повторил попытку, для острастки выдернул из чурки топор, трахнул по дереву обухом. Шура понял, что встречи не избежать, тонко откликнулся:

– Кто там?

– Открывай, говорю! Выходи!

– Я моюсь!

– Я тебя сам помою! – не на шутку разозлился Толик и ударил топором так, что полетели щепки из косяка.

Предчувствуя самое плохое, Шура закричал о помощи:

– Танечка, спасай! Он меня убьет!

На крыльцо выскочила супруга, подперла руками бока:

– А ну, уйди оттуда! Не тронь моего Сашу! Сам во всем виноват!

Анатолий, не обращая на нее внимания, продолжал выбивать дверь. Татьяна исчезла, вернулась с ружьем в руках, показательно щелкнула курками двустволки:

– Уберись отсель, кому сказано? Щас бахну между ног!

Толик покосился на женщину, а та подкинула вверх стволы, нажала на курок. Выстрел переполошил всех собак. Анатолий откинул топор в сторону: «Эта точно выстрелит». Женщина взвела второй курок, повелительно приказала:

– Давай двигай на выход!

Толя сплюнул на снег, повернулся, прежде чем уйти, бросил через плечо:

– Трепач и подкаблучник!

– Сам такой! У меня-то хоть жена есть, а ты свою проохотил! – откликнулся в разбитое окно повеселевший Шура.

– Встречу, не обижайся! – пригрозил Анатолий.

– А ты сначала встреть! – отозвался тот.

Возвращаясь назад, Анатолий выслушал шквал нелюбезных обвинений из уст круглолицей полуторачентеровой Татьяны, которая визжала опаздывающей электричкой. Чего только ни выслушал он за минуту, пока проходил мимо на улицу! Оказалось, что он был никудышный неудачник, правильно, что от него ушла жена, и прочие недостатки и унижения. Уже за воротами Анатолий довольно вздохнул: «Хорошо, что у меня нет супруги! Теперь точно никогда ни за что не буду жениться!»

А за его спиной уже слышались возгласы воспользовавшегося ситуацией Шурика. Его товарищ обнимался с Татьяной, жалуясь, как ему было холодно одному в бане ночами.

А дома еще лохмаче! Любопытная соседка тетка Наталья чай пьет с черноглазой! Как только Анатолий ушел, она назад, к нему в ограду, открыла дом: «Что там? Замок-то не на ключе, сам открылся!» – и на кухню. Ну, а там «дело техники». Найти человека в комнатах проще простого, не иголка от елки. Встретились с черноглазой, познакомились, чайник вскипятили да присели за столом у окошечка. Тетка Наталья – медовая чарка! На лице – довольная коровья улыбка, в глазах – волнение деревьев под ветром, лоб – пасхальное яичко, лоснится от волнения, рот не закрывается. Сотни вопросов, как и ответов, льются мягким бархатом молодой отавы. Сама спрашивает и тут же отвечает, не дает слово сказать:

– Кто ты, откуда, девонька? Да уж знаю, что из города. Как приехала? Ох, ведь видела, как приехала. А как познакомились-то? Дык, понятно, что на улице, – и тут же, исполняя роль свахи, молвит словечко за хозяина дома: – А он хороший мужик-то, хозяйственный, и пьет мало, токо по праздникам. Одна беда: в тайгу надолго ходит. А кака баба долгую разлуку стерпит? Не всякая. Вон у меня Федор тоже всю жисть по горам прокосолапил, промышлял. Так я его ждала и до сих пор жду. Так, на этот счет, времена другие были. А сейчас – бабам

воля! Вон, и Толика не дождалась. А тоже вроде как умилялась: любить буду до гробовой доски! Да, видать, еще те доски не напилили, сбежала, пока он на промысле был. Подогнала к воротам грузовик – голые стены оставила, табуретку да умывальник. Еще посмеялась: «Мойся, Толя, я на воле!» А вы-то, может, еще и жить будете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.